

НАШИ • ТАМ

ПРОГРЕССОР КАМЕННОГО ВЕКА

АЛЕКСАНДР АБЕРДИН

АКАДЕМИЯ
ДЕМЮРГОВ

Прогрессор каменного века

Александр Абердин
Академия демиургов

«Центрполиграф»

2011

Абердин А. М.

Академия демиургов / А. М. Абердин — «Центрполиграф»,
2011 — (Прогрессор каменного века)

Митяй нашёл в далеком прошлом то, о чем даже и не мечтал в своём времени, – людей, не знающих, что такое эгоизм, ложь, алчность, злоба и ненависть. Только это время и можно было назвать Золотым веком Человечества. Ведлы, не имевшие глубоких научных познаний, но и не знавшие пороков современного мира, охотно делились с ним всеми своими знаниями. Так же охотно они учились у Митяя всему, что знал и умел он. Вооруженный современными научными знаниями, став ведлом с говорящими камнями, молодой прогрессор стал отцом народа Говорящих Камней и теперь не только передавал охотникам каменного века знания, но и учил их ведловству по-новому. Первая же встреча с представителями внеземного разума, которая произошла более чем через полтора столетия, наглядно доказала преимущества ведловской цивилизации над обычной, научно-технической, и у Митяя появились ученики с планеты Талария. Прошло еще почти полтора столетия, и, оставаясь все тем же молодым парнем, Митяй покидает Землю и отправляется в иной, ни на что не похожий мир-сферу, чтобы начать свое обучение в академии демиургов. Там ему открываются многие тайны, и он узнаёт, где же именно провел в постоянных трудах и заботах триста лет.

© Абердин А. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Абердин

Академия демиургов

Глава 1

Затерянные в горах

После экстренной посадки, которая едва не закончилась катастрофой, Митяй, придя в себя, связался с Бастаном и распорядился организовать спасательную операцию. Спасать, естественно, нужно было не его, а тайладов, оказавшихся пленниками неудобного высокогорного ущелья, расположенного восточнее реки Сефидрут. Уже через полчаса к её устью направилось два судна на подводных крыльях и шесть вертолётов. Три из них, с желтоголовыми даргами на борту, вылетели из Николаевска, стоящего в устье Терека. Именно перед ними ставилась задача предстать перед тайладами. Сам Митяй всё это время сидел и постоянно бомбардировал захватчика мыслями о том, как славно заживёт он и весь его род, если не станет выкаблучиваться, спустится с гор и они отправятся в Дмитроград. А поскольку его впечатления об этом городе были ещё достаточно свежи и яркие, то он ещё и показывал этому типу красивые бело-снежные дома, сады с фонтанами, деревья, ветви которых свисали под тяжестью апельсинов, мандаринов и гранатов, детвору, резвящуюся в садах и купающуюся в арыках, облицованных камнем. Показывал он ему и ребаланцев, сидящих за столами, ломящимися от всяческих яств, и весело расппевающих песни. Он даже не поленился припомнить футбольный матч. Команда «Нефтчи» принимала у себя «Спартак» и выиграла со счётом три-два. Хотя это был товарищеский матч, а не игра чемпионата Высшей лиги, обе команды сражались на поле самоотверженно. Центрфорвард «Нефтчи» вколотил победный мяч в девятку на предпоследней минуте, и вратарь «Спартака» лишь махнул рукой.

Однако всё было тщетно. Телепат по-прежнему не давал Митяю пошевелить ни рукой, ни ногой, но это его несколько не беспокоило. С помощью силового поля, генерируемого Дедом Максимом, он перекусил, выпил полкружки горячего чая, больше было нельзя, чтобы не давать работы мочевому пузырю, и теперь спокойно сидел. Тайлад-телепат перехватил его буквально в нескольких километрах от Тегерана будущего, заставил резко повернуть машину вправо и круто снизиться. В итоге, чуть не разбившись, Митяй приземлился в верхней части узкого ущелья, расположенного вдоль хребта Эльбурс параллельно берегу Каспия, в верхней его части. Причём как раз носом к реке Сефидрут, до которой было идти-лететь-плыть километров семьдесят. Исходя из того что, во-первых, в этой части ущелья флора и фауна были скудными и жрать здесь попросту нечего, а во-вторых, что прошло уже почти шесть часов, а к самолёту никто так и не явился, Митяй понял: у него получился весьма приличный недолёт. Поделаться с этим Митяй ничего не мог, точнее, не хотел, так как на самом деле ничто не мешало врубить двигатели, используя говорящие камни, и продвинуться вперёд на какое-то расстояние; местность впереди хотя и не приветствовала взлёт самолёта, но позволяла ехать по левому берегу. Пока что он не испытывал особого дискомфорта и решил ждать.

Чтобы дикие тайлады не застали его врасплох, когда стемнеет, Митяй кое-как приладил с помощью Деда Максима бриллиантовые очки себе на глаза. Видимость сразу же улучшилась, поскольку они были даже без Зинули пусть и не самым мощным, но панорамным биноклем с восьмикратным увеличением и отличным прибором ночного видения.

Между тем он стал мало-помалу ощущать свои руки и ноги, хотя и не мог встать. Во всяком случае, он стал энергично ёрзать в кресле и слегка шевелить руками, а часа через три, когда уже совсем стемнело, сумел даже расстегнуть на груди замок ремней безопасности, чего

не смог сделать с помощью Деда Максима. Как только он обрёл ещё большую степень свободы, то сразу же сконцентрировал всё своё внимание на руках и на ногах, так что они даже заныли от боли. Раньше он их почти не чувствовал. Когда Митяй положил руки на подлокотники кресла и попытался встать, его позвоночник пронзила сильная боль, но он сцепил зубы и, продолжая думать о своём пленителе в позитивном ключе, всё же встал на ноги, хотя у него и потемнело в глазах. Следующий шаг дался ему уже немного легче, но и руки, и ноги словно налились расплавленным свинцом. Превозмогая боль, он заставил себя выйти из кабины, более того, взял из шкафчика в салоне два складных стула и направился к трапу, ведущему на нижнюю палубу самолёта.

Внизу спереди, в узкой носовой части лодки, находился небольшой низкий отсек с прочными иллюминаторами из толстого триплекса для двух наблюдателей, в нём, под пилотской кабиной, – термоэлектрический реактор, а перед ним – просторная погрузочная площадка с двумя широкими, герметичными люками в борту, расположенными справа и слева, а в задней части лодки – грузовой отсек. Самолёт-амфибия вполне уверенно стоял на восьмиколёсной тележке, но слегка задрав нос кверху. Впрочем, это всё же лучше, чем если бы его нос был опущен. Поскольку летающая Шишига приземлилась, а не приводнилась в ущелье, хотя без Деда Максима она по нему просто размазалась бы тонким слоем, Митяю не имело никакого смысла выбираться из самолёта-амфибии, имеющего из-за лодки высоту корпуса пять метров, через верхний пассажирский люк, тоже довольно широкий. Используя складные стулья вместо костылей, он доковылял до правого люка и включил электрический механизм открывания. Первой поднялась верхняя половинка люка. Находись самолёт на плаву, вода плескалась бы сейчас сантиметрах в семидесяти от его края, но, поскольку лодка стояла на траве, Митяй откинул нижнюю часть люка, при этом автоматически откинулись ступеньки, и та превратилась в широкий трап.

Перед тем как выйти из самолёта, он сбросил вниз стулья, затем зашёл в грузовой отсек, взял с полки две большие сумки с провизией и тоже сбросил их на траву, не беспокоясь, что что-либо разобьётся. Вся посуда, находившаяся в них, была изготовлена из нержавеющей стали. После этого он взял из грузового отсека ещё и два небольших складных походных столика. Хотя передвигаться по самолёту ему было чертовски трудно, горело всё тело и у Митяя возникло такое ощущение, что на него навьючили туюк весом полтора центнера, он всё же сделал всё, чтобы подготовиться к встрече с тайладом-телепатом. Перед тем как выйти из самолёта, он включил все прожекторы. Литий-ионные аккумуляторы были заряжены полностью, и прожекторы могли спокойно светить хоть трое суток подряд.

Наконец он спустился по ступенькам и, отойдя в сторону, расстегнул ширинку. Всё это время Дед Максим исправно держал силовое поле, которое сразу же стало видно в свете прожекторов. Оно отстояло от носа самолёта метров на десять. Вообще-то силовое поле держал сам Митяй, а изумрудный кристалл, похожий на треугольный кинжал, верхняя часть которого виднелась на его груди из-под расстёгнутой кожаной куртки и рубахи, его лишь генерировал. В своих экспериментах до такого он ещё не доходил.

Немного передохнув, он продолжил готовиться к встрече с диким телепатом, решившим прибахлиться на халяву. Насчёт прибахлиться и халявы Митяй не имел ничего против. Ему просто не понравилось, с какой настойчивостью его попросили поделиться хабаром. Тем не менее, изо всех сил стараясь не держать зла на обидчика, он, пользуясь уже силовым лучом, подтащил к краю силового купола, туда, где было посветлее, стулья, столики и сумки. Установив для себя один походный комплект, он подошёл к силовому куполу вплотную и, для начала подвигав его немного, открыл в нём проход и выставил наружу стул, затем столик, а потом поставил рядом с ним сумку с провизией, пошитую из прочного, прорезиненного брезента, а затем законопатил дырку в силовом поле. Вот в этот момент Митяй действительно рисковал, так как ему можно было запросто запульить в голову какой-нибудь каменюкой.

Когда всё было готово, он вернулся на своё место и с облегчением сел на стул. Из тела сразу же стали быстро уходить боль и жар. Погода стояла прохладная, всего градусов двенадцать тепла, но его это не очень-то пугало, ведь он был одет тепло. Сидя за столиком, Митяй снова подумал по-тайладски: «Парень, ну подумай сам, ты же умеешь читать мысли людей и потому должен понимать: я тебе не враг. Поройся в моей голове, дружок, посмотри, было ли хоть раз, чтобы я здесь кого-то обидел? Да, мне приходилось убивать людей, только извини, всё это было в моей прошлой жизни. К тому же учти, эти люди были хуже зверей, и они сами хотели убить и меня, и людей из моего племени. Это была война, парень, и начали её не мы, а те чернокожие люди».

Как это ни странно, но именно после этого мысленного обращения к тайладу-телепату Митяй услышал впереди, в темноте, тихие шорохи. Кто-то медленно приближался к освещённому прожекторами пространству. Вскоре он увидел метрах в ста пятидесяти – на такое расстояние били два курсовых прожектора летающей Шишиги – приближающиеся фигуры: четыре громадных парня в шкурах несли нечто вроде паланкина, на котором, сгорбившись, сидел пятый человек, также замотанный в шкуры, гораздо меньше их ростом. Сердце у Митяя сжалось и болезненно ёкнуло, и он подумал: «Э, дружок, так тебе ещё нужна и квалифицированная медицинская помощь. Ну ничего, что бы с тобой ни случилось, княгиня Ольга тебя быстро поставит на ноги. Она ведь даже новые руки и ноги умеет людям выращивать, наша ведла-врачевательница». Вслед за этим четыре парня пошли на свет чуть ли не вдвое быстрее. Вскоре они поднесли к силовому куполу пассажира своей «инвалидной коляски», и Митяй увидел, что это бледный, болезненного вида худощавый парень лет двадцати на вид. Лётчик поднял руку с открытой ладонью вверх и громко крикнул:

– Добра тебе и мира, великий ведл! Не бойся ни меня, ни моей сверкающей птицы! Я не причиню вам вреда.

Парень велел своим носильщикам остановиться перед стулом, потрогал его худой рукой с длинными пальцами и сказал им вполголоса по-тайладски:

– Посадите меня так же, как и летающего ведла с говорящими камнями, и встаньте рядом. – После чего вперил взгляд в Митяя и спросил: – Как ты смог освободиться от моей силы, ведл? Такого не было ещё ни разу. Ты что, тоже умеешь брать мыслями в свои руки чужое тело и потому можешь противостоять мне?

Митяй улыбнулся, протянул руку к сумке, поставил её на край стола и встал, хотя теперь ему сделать это было вдвое, если не втрое тяжелее. Превозмогая боль и чудовищную тяжесть в руках, он достал из сумки большой прямоугольный термос с холодным апельсиновым соком, затем такой же прямоугольный судок с ветчиной, накрытый вторым судком с квадратными лепёшками, выставил их на стол, достал уже вполне нормальную кружку, плоскую тарелку, ложку, вилку и столовый нож. Спустив сумку на траву, он снова сел и, откинув зажимы, снял верхний судок с нижнего. Накладывая себе на тарелку вкуснейшей ветчины из оленины, он пожал плечами и ответил:

– Нет, я не умею читать чужие мысли, но могу противостоять твоей ведловской силе. Ты просто застал меня врасплох. А теперь давай знакомиться, парень. Моё имя Дмитрий Олегович, для друзей просто Митяй. Я учитель народа Говорящих Камней, а это много-много полных рук племён. Меня и мою сверкающую птицу закрывает от тебя и твоих охотников могущественная сила вот этого говорящего камня, которую ты не сможешь пробить никаким оружием, но ты очень крепко схватил моё тело, и мне трудно ходить. Снаружи, за пределами этого ущелья, находится множество моих друзей. Их очень много, но они не придут в это ущелье до тех пор, пока мы с тобой не договоримся. Скажи, что тебе от меня нужно? Кстати, в той сумке, что лежит рядом со столом, есть вкусная еда. Попробуй.

Парень откинул меховой капюшон, поднял голову, и Митяй увидел, что он всё же несколько старше, чем он предположил. Пристально глядя на летающего ведла, телепат тихо сказал:

– Меня зовут Салан, Митяй. Я давно знаю, что где-то на севере появился великий ведл и учитель. Я хочу, чтобы ты забрал меня и мой род из этих гор и унёс туда, где живут люди из многих племён. Мы очень боимся тайладов, Митяй, и прячемся от них в глубокой пещере. Скажи мне, что ты не позволишь тайладам убить нас, и я тебя отпущу. Нас немного, всего шесть полных рук и ещё одна рука. Мы хорошие ведлы и очень хорошие охотники, но в этих горах трудно выжить.

Митяй улыбнулся и ответил:

– Салан, я обещаю тебе, что до тех пор, пока ты сам не захочешь встретиться с другими тайладами, ни один из них даже близко не подойдёт к тебе и твоим людям. Как только рассветёт, сюда прилетят на сверкающих птицах с круглым крылом желтоголовые дарги и заберут вас всех отсюда в Дмитроград.

В ту же секунду к Митяю вернулось его тело, и Салан, тихо попросив своих спутников достать из сумки еду, спросил:

– Митяй, Ольга в самом деле может вылечить мои ноги? Ещё в детстве я попал под обвал и мне их очень сильно поломало камнями. С тех пор мои братья носят меня на руках, как маленького ребёнка, но я хороший охотник.

Митяй задумался. Лечение этого парня могло затянуться на добрых полгода, если не больше, а ему ни в коем случае нельзя было отпускать его от себя ни на шаг. С другой стороны, ему было необходимо продолжить экспедицию. Впрочем, в ней его могли спокойно сопровождать и Ольга, и Денис. Поэтому он улыбнулся ещё шире и дружелюбнее, прежде чем сказать:

– Салан, считай, что у тебя уже выросли новые, сильные и быстрые ноги. А теперь послушай меня. Все твои люди отправятся в Дмитроград, а ты полетишь со мной и ведлой Ольгой далеко за горы, к другой большой солёной воде. Там мы войдём внутрь огромного плавающего зверя и поплывём на нём смотреть, как живут люди на другом конце Земли. Ты будешь моим учеником, Салан, а я твоим учителем. Я научу тебя великому ведловству и дам тебе говорящие камни. Твои люди тоже станут великими ведлами, ведь их будут учить мои лучшие ученики, и они тоже дадут им говорящие камни. А ты научишь меня своему тайному ведловству, умению читать мысли, чтобы мы могли разговаривать с тобой без слов, но после этого ты больше никогда не станешь читать мысли других людей.

Митяй даже не удивился, когда Салан сказал в ответ:

– Хорошо, Митяй. Я знаю, как сильно ты боишься, чтобы люди народа Говорящих Камней не стали такими же, каким был когда-то ты сам. Ты хочешь сохранить от них в тайне то, кем когда-то был. Я стану твоим учеником и учителем, если это получится, ведь мне никого ещё не приходилось учить читать чужие мысли и видеть людей и животных за камнями и горами, но мои братья Бартак и Таган тоже поплывут со мной. Мы очень сильно связаны друг с другом и не можем находиться один от другого дальше, чем в одном дне пути.

– Не вопрос! – весело воскликнул Митяй. – Значит, у меня будет не один, а три ученика, но телепатии мы их учить не станем. Салан, может, ты поешь, а потом пойдём в мою летающую птицу. Если хочешь, я могу сделать так, что ты полетишь прямо на своём стуле.

Салан улыбнулся и спросил, глядя на ветчину:

– А у тебя ещё есть такая вкусная еда, Митяй? Смекнув, что с продуктами у тайладов напряженка, Митяй кивнул:

– Шестьдесят пять человек мы накормим запросто. Я так понимаю, что все они находятся неподалёку, а раз так, зови их всех сюда. Сейчас мы их накормим и даже приоденем.

Салан имел ментальную связь не только с братьями, но и с матерью, а потому немедленно передал ей, чтобы они шли к месту посадки железной птицы. Как только Митяй отдал

команду всем тайладам вернуться, поскольку род Салана считал их жестокими и бессердечными людьми, на судах и на берегу, где приземлились вертолёты, началась беготня. Тайлады, во весь голос кляня своих придурковатых предков-перестраховщиков, стали пересаживаться с борта одного корабля на другой, благодаря желтоголовых даргов, что те прилетели в количестве тридцати шести человек и среди них были как пилоты вертолётов, так и опытные судоводители. Вместе с тем, вручая им свои дары для горных скитальцев, они просили рассказать, как они их любят и ждут к себе в гости, чтобы попросить прощения.

Не успели тайлады из рода Салана, находившиеся в пяти километрах ниже, подойти к сверкающей птице, испускающей яркий свет, как в небе появилось ещё шесть огромных птиц, которые стали заходить на посадку выше по ущелью. Желтоголовые дарги выскакивали из вертолётов, совершивших посадку в ущелье, и бегом неслись к летающей Шишиге с громадными тюками и сумками. Парни они были хотя и невысокие, но на редкость сильные. Действовали они чётко и слаженно.

Спасательная операция разворачивалась быстро. Не прошло и пяти минут, как на берегу горной реки были поставлены палатки, а с борта трёх больших вертолётов спустились по аппаратам Шишижки-пикапы с походными кухнями, в которых уже был сварен вкусный и сытный шулом для всего рода Салана. Были наготове и ведлы-медики. Действуя по заранее разработанному плану, желтоголовые дарги-спасатели в считанные минуты приготовились к тому, чтобы разместить весь род до утра в палатках, накормить людей, оказать им первую медицинскую помощь, переодеть и уложить спать. Поэтому у Митяя и появилась возможность подняться вместе с Саланом и его братьями на борт летающей Шишиги. А поскольку в ней имелось достаточно много груза, то уже через полчаса ему удалось переодеть всех троих и осмотреть ноги Салана. Да, с ними должна была разбираться Ольга. На взгляд Митяя, куда проще было бы их отрезать и выбросить, чтобы потом у парня выросли, благодаря её ведловской силе, новые. Но он не стал торопиться. Меди у этих тайладов при себе было всего ничего, зато от них не несло, как от завшивевших бомжей, и когда они расселись за столом в салоне, Салан смущённо спросил его:

– Митяй, ты дашь нам новые, ведловские имена?

– Запросто! – весело ответил Митяй, готовя ужин на всю честную компанию. – У меня для всех вас троих имеются отличные ведловские имена, Салан. Твоё имя отныне будет Станислав, твоему старшему брату я даю имя Анатолий, а младшего, но зато самого громадного из вас мы станем звать Ильёй.

После того как три брата плотно поужинали, Анатолий и Илья завалились спать, а Митяй ещё долго разговаривал со Станиславом, и тот рассказал ему не слишком веселую историю. Его матери удалось скрыть, что она родила не совсем обычного ребёнка, и лет до семи маленький Салан, которому она постаралась сразу же объяснить, как это опасно для него – быть другим, не таким, как все, никак не выдавал своих телепатических способностей, пока однажды не попал под камнепад, искалечивший ему ноги. Хотя мать нашла его очень быстро, кое-кому в племени показалось странным, что ребёнка тут же не загрызли шакалы. Большая мать, как могла, залечила его раны, но ноги мальчика так и остались скрюченными. Прошло два года, и в нём стали очень ярко проявляться недюжинные ведловские способности, которые непременно вызвали бы подозрения, если бы Салан не был всегда начеку и никогда не давал застать себя врасплох. Дело кончилось тем, что однажды ночью весь их род снялся с места и покинул стойбище так тихо, что этого никто не услышал, – тут постарался Салан, который по очереди погрузил всех часовых в сон, – и налегке в начале лета ушёл в горы. В погоню за ними никто не бросился, и они были вынуждены поселиться в отдалённой долине, бросив в стойбище почти всю свою медь.

Салану-Станиславу было двадцать шесть лет, пятнадцать из них он фактически являлся вождём своего маленького племени-клана. Он мог слышать мысли людей на добрых триста

километров вокруг, умел находить и подчинять себе животных на таком же расстоянии и подводить их под копыта своих охотников. Привел он точно таким же образом в свой клан и одиннадцать девушек, которые стали женами его сородичей. Так что клан Салана не бедствовал, но когда он узнал, что на севере появился великий ведл, который учит людей новой жизни, и даже более того, его вождь смог увидеть эту самую новую жизнь чужими глазами и рассказать своим людям, а братьям даже показать, какая она, эта новая жизнь, клан мечтал только об одном – как бы добраться до Дмитрограда. И однажды великий ведл Митяй оказался так близко, что Салан даже смог прочитать его мысли и узнал, что через три полных руки дней тот полетит обратно и внутри сверкающей птицы будет сидеть совсем мало людей. Он думал, что сможет легко заставить посадить сверкающую птицу великого ведла рядом с их пещерой, но на деле всё вышло по-иному и птица приземлилась почти в тридцати километрах от их подземного убежища.

Салан очень испугался, когда всё так случилось. Он боялся, что великий ведл разгневется, но его мысли оказались добрыми и спокойными. Поэтому он приказал взять всё самое нужное и идти к тому месту, где упала на землю сверкающая птица. При этом Салан изо всех сил старался удержать Митяя на месте, не дать ему улететь и оставить их посреди ущелья снова мучиться, как и прежде. Голос парня дрожал, когда тот рассказывал Митяю о своих страхах и сомнениях. Улыбнувшись ему, Митяй сказал:

– Стае, всё позади. Теперь ты, Толик и Илюха – мои ученики и друзья. Завтра утром прилетят князь Денис и княгиня Ольга, его жена. Она сразу же займется твоими ногами, но у тебя и помимо них со здоровьем не всё в порядке. Но поверь мне, парень, уже через год ты будешь таким же здоровенным, как и Толик. А теперь ложись спать и ни о чём плохом больше не думай.

Митяй встал из-за стола, поднял худющего парня со скрюченными ногами на руки и перенёс его на откидную, уже разобранный кровать. Стае, схватив его за руку, тихо спросил:

– Митяй, что со мной теперь будет?

Поняв этот вопрос несколько иным образом, Митяй ответил:– Стае, извини, но тебе отныне суждено стать моим помощником. Люди народа Говорящих Камней должны всегда видеть нас вместе. Только тогда они не станут тебя бояться. Но это вовсе не говорит, что ты должен каждую минуту находиться возле меня. У тебя обязательно будет своя личная жизнь, ты найдёшь себе красивую девушку, и она станет твоей женой. Просто тебе и твоим братьям придётся жить неподалёку от меня. Во всём остальном всё будет зависеть только от твоего собственного выбора. Чем захочешь, тем и займёшься.

Но Митяй угадал. Он дал Салану именно тот ответ, которого тот, вполне справедливо опасаясь людей, ждал больше всего. Парень облегчённо вздохнул и сказал:

– Ты очень добрый человек, Митяй. Я буду хорошим учеником и стану всегда тебя слушаться. Ты не скажешь человеку ничего плохого. Ты научишь меня не бояться людей.

На следующее утро все проснулись очень поздно. Оно и понятно, минувшие сутки задали нервотрепку. В половине одиннадцатого в ущелье прилетели на громадном транспортном вертолёте князь Денис и княгиня Ольга. Они-то и разбудили народ. Всех, кроме Митяя, Стаса и его братьев. Род Салана погрузили на вертолёты и доставили прямо на новенькую пассажирскую каравеллу. Последним из ущелья улетал громадный трёхпалубный вертолёт, новое детище Пахома. Мало того что он был загружен сам, так, несмотря на это, ещё и смог легко поднять в воздух летающую Шишигу.

Митяй проснулся, когда Ольга стала готовить завтрак. Её супруг уже сидел за штурвалом и, как только летающая Шишига легла на воду и были отцеплены тросы, сразу же завёл двигатели, и через пять минут они были в воздухе. «Пахом Великий», выбрав трос, также полетел в Алексиевск. На его борту находилась та техника и грузы, которые князь Денис решил взять с собой в экспедицию. Вкусные запахи, доносившиеся из кухни, заставили всех проснуться.

Первыми вскочили Толик и Илья, которые тут же понесли Стаса в туалет, находящийся в хвостовой части самолёта. Митяй поднялся и направился вслед за ними, чтобы помочь парню с искалеченными ногами принять ванну. После него водные процедуры приняли все остальные, из-за чего позади самолёта-амфибии четырежды появлялся длинный белый шлейф. Поэтому завтракали они, приводнившись в порту Алексиевска, а сразу после завтрака отправились на борт «Виктории» на летающей Шишиге, и Митяй переправил её туда, не отрываясь от завтрака. При этом он сделал всё так плавно и осторожно, что ни у кого даже какао с молоком речной коровы не расплескалось. Денис, посмотрев на это, спросил:

– Братишка, зачем тогда, спрашивается, мы поднимали твою летающую Шишигу «Пахомом»?

Митяй пожал плечами и ответил:

– Так ты же вечно торопишься, Ден. Хотя знаешь, всё правильно, я ведь ещё не научился разгонять самолёт. Только и могу, что плавно поднять его да малость посунуть в сторону. – Погладив Деда Максима, он добавил: – Да, если бы не этот подарок Найда, моя Шишигочка была бы сейчас разбросана по всему ущелью. Ох, ребята, вы бы только видели, как мы с ней кувыркались, находясь внутри здоровенного шара. – Улыбнувшись смутившемуся Станиславу, он сказал: – Знаешь, Стае, если бы не ты, то я ещё лет двадцать топтался бы вокруг да около и не знал, что мой Дед Максим способен на такие чудеса. Только благодаря тебе я его и пробудил к такой кипучей деятельности, и кто его знает, на что ещё способен этот говорящий камень.

Позавтракали они плотно, с первым, вторым и третьим блюдами, княгиня Ольга на третьем приготовила изумительную запеканку с изюмом, курагой и со сметаной. На десерт же она подала творожный бисквит с цукатами из ананасов, апельсинов и персиков, а к нему какао с молоком речной коровы. Ничего подобного трое тайладов в жизни не ели и, видимо, думали о том, чем там сейчас кормят их сородичей, но Ольга уже принялась извиняться:

– Ой, мальчики, вы уж меня простите, что завтрак у меня получился так себе, но это потому, что на борту летающей Шишиги маленькая кухня и продуктов в холодильнике не густо. Ну, ничего, зато на обед я вам приготовлю что-нибудь особенное. Правда, с желтоголовыми даргами даже я не могу состязаться. Они самые лучшие повара на свете. Представляю, чего они только не наготовили для людей вашего рода. Вот уж кто умеет накрыть на стол, так это они. Ничего, в нашем Дмитрограде живёт много даргжендов, они и вас быстро научат вкусно готовить.

Однако вовсе не это беспокоило Стаса и его братьев. Самый младший из троих погодков, Илья, тихо промолвил:

– Мы ни с кем так и не попрощались. Княгиня улыбнулась и сказала ему:

– Мальчик мой, в этом нет ничего страшного. Сейчас мы позавтракаем, и вы сможете с помощью наших говорящих камней поговорить с кем угодно. Я не вижу в прощаниях никакого смысла. Уже очень скоро у каждого из вас будут говорящие камни, и вы сможете разговаривать со своими родными хоть через каждые пять минут.

Стае, который помолодел, когда ему сбрили бороду, и стал даже симпатичнее, тут же замотал головой и воскликнул:

– Ой, лучше не надо так часто! Они же замучают меня вопросами и просьбами.

Его старший и младший братья расхохотались, и обстановка разрядилась. К тому же Илья принялся рассказывать, что даже самые старые тайлады всё время норовят спросить Стаса, как им делать то одно, то другое. Причина такого их любопытства была проста: он ведь мог читать мысли людей, находящихся очень далеко, и через это узнавать о таких вещах, которые им были неизвестны. Князь Денис быстро успокоил их, сказав, что теперь у их сородичей надолго отобьют охоту задавать вопросы хоть кому-то, кроме их ведаров. Да они и сами не станут этого делать, ведь куда проще обо всём расспросить своего ведара, чем первого попавшегося встречного.

После завтрака Митяй подробно, во всех деталях, раскатав на столе карту из фотоматерики, рассказал братьям о Дмитрограде, о том, как будут размещены их сородичи и чем станут заниматься в ближайший год, проходя вводный курс обучения. Князь Денис тут же вставил свои пять копеек в разговор, сказав, что это не дело – бояться тайладов, которые и сами потрясены случившимся. Они-то считали их род давно погибшим. В общем, произошла та же история, что и с даргтанами. Про тех и вовсе говорили, что они людоеды, только потому, что им приходилось брать свежую кровь, чтобы их племя не выродилось. В результате почти треть этого не такого уж и большого, как всем казалось, народа погибла от лютого холода, потому что они просто устали бороться с судьбой. С такой печальной ноты на более весёлую беседа перешла только после того, как княгиня Ольга раздала всем троим ведловские очки из тяжёлого металла, прилипающие к лицу.

Добрых три часа братья разговаривали с сородичами, поражаясь тому, какой заботой тех окружили на борту каравеллы, плывущей по морю. После этого они спустились вниз, и Анатолий с Ильёй занесли брата-калеку в медицинский отсек. Как только они положили его на операционный стол, княгиня Ольга турнула и их, и своего мужа, чтобы вместе с Митяем начать лечение. Великий ведл-учитель по-прежнему был категоричен в своём мнении относительно искалеченных, недоразвитых ног парня. Отчекрыжить их к чёртовой матери и вырастить новые! Ольга, однако, так не считала. Она, к облегчению Станислава, улыбнулась и насмешливым голосом сказала:

– Ох и быстрый же ты, Митяй. У парня вполне нормальные ноги, просто они деформированы и потому почти атрофировались. Если я стану их лечить, то он уже через пять недель начнёт ходить сам, ведь он же не всегда был калекой, а потому все его прежние рефлексы сохранились. – Обращаясь к пациенту, она спросила: – Стасик, мальчик мой, за завтраком я угощала тебя молоком речной коровы. Скажи, оно тебе понравилось?

Парень закивал:

– Ничего более вкусного я никогда не пил. Княгиня улыбнулась, повернулась к Митяю и сказала:

– Поскольку ты точно не захочешь откладывать отплытие, Митяй, нам придётся взять на борт одну речную корову, чтобы Стасик мог каждый день не только пить её молоко, но и плавать вместе с ней в бассейне. Это поможет его ногам быстрее вырасти и снова стать мускулистыми и сильными.

– Вот ещё! – возмущённо воскликнул Митяй. – Да мы лучше проведём в Алексиевске пару-тройку месяцев. Заодно я попробую воплотить в жизнь одну безумную идею относительно мяса стеллеровой коровы. Не нравится мне, что в здешних протоках плавает уже две дюжины кастрированных самцов и Лёшка намылился отрезать яйца ещё целой сотне. Не человечески это.

Княгиня, забыв про своего пациента, возбуждённо спросила:

– А что будет по-человечески, Митяй?

– Что-что, – ворчливо ответил Митяй, – горб на спине! Его, между прочим, может выращивать самец любого вида из всех тех животных, которых мы лопаем. Посуди сама, Оленька, на фи́га, спрашивается, убивать всего кабана, когда можно побудить его вырастить на спине здоровенный кожаный рюкзак с одним только филеем внутри. Ходят же с горбами верблюды, и ничего с ними не делается. Правда, тогда мясные фермы нам придётся делать подальше, и это будут уже не обычные фермы беспривязного содержания скота, а большие выгулы. Разумеется, с навесами и кормовыми площадками. А с речными коровами и того проще. Они же жрут топинамбур даже во сне и поскольку плавают в воде, то самцам будет легче носить горбы. Княгиня Ольга воскликнула:

– Митяй, немедленно пошли к Лёшке! То, о чём ты рассказал, сделать очень легко! Более того, я ведь могу сделать так, что ровно через год животное будет просто сбрасывать свой горб, как лоси и олени сбрасывают рога. Мать-Земля! Это же так просто!

Ухмыльнувшись, Митяй указал ей пальцем на Стаса, и тот немедленно взмолился:

– Ольга, может быть, сначала ты займёшься моими ногами? Я готов есть и пить что угодно, лишь бы снова начать ходить. Быть мужчиной и вместе с тем калекой невыносимо!

Слова парня мигом привели целительницу в чувство. Одетая по-походному, в брюки и лёгкую кожаную куртку, она тут же сняла последнюю. Под курткой на ней была надета мужского фасона рубаха зелёного цвета и жилет красного сафьяна с широким и довольно глубоким декольте. Спереди к жилету были пришиты два больших, выпуклых кармашка, расшитые бисером и отороченные белым мехом. Княгиня расстегнула ворот рубахи, заправила его под жилет и почти полностью обнажила груди с прилипшими выше них аметистовыми полумесяцами. Вслед за этим она достала из кармашков ещё два говорящих камня, один в виде шестиконечной вытянутой звезды, а второй имеющий форму египетского креста, только без дырки в верхней части и более массивного. Размером они были почти в её ладонь. Целительница надела на глаза малахитовые ведловские очки, и камни на её груди и в руках ослепительно засверкали, излучая потоки света. Митяй, которому приходилось быть её ассистентом и помощником не менее полутора сотен раз, тоже обнажил свой торс, сняв замшевую рубаху, нацепил бриллиантовые очки и взял в руки Лариску и Зинулю-зеленулю. Посмотрев на ноги Стаса, которые он теперь видел полупрозрачными, Митяй присвистнул от удивления и восхищённо воскликнул:

– Оленька, да у тебя глаз-алмаз! Знаешь, когда я вчера посмотрел на эти две тощие кривуляки, мне сразу же захотелось их оторвать и выбросить, а их, оказывается, действительно можно вылечить, и мне кажется, что даже быстрее, всего недели за три с половиной, но Стасу самому придётся потрудиться. Молоко молоком, но и есть ему нужно будет за троих, как минимум.

Ответ княгини Ольги был прост и понятен:

– Ну, есть и спать – это тебе не по горам бегать, Митяй. С этим наш Стасик играючи справится. Давай приступим к ведловству.

И они приступили. Роль первой скрипки в этом небольшом оркестре, состоящем из двух опытных, могущественных и много знающих ведлов и одиннадцати говорящих камней, принадлежала княгине Ольге. Именно она проводила операцию, безболезненно чуть ли не раскрошив кости ног своего пациента и заставив их вытянуться во всю длину. Длинные и очень тонкие, они не вызывали никакой симпатии. Митяй, быстро поняв, что ещё может сделать Дед Максим, направил из него два сильных осязаемо-плотных изумрудных луча, и те принялись скользить по ногам парня, тощим, словно костыли. Поток энергии был настолько мощным, что буквально в разы ускорил процесс регенерации, запущенный княгиней Ольгой.

Митяй, мгновенно сообразив, что сейчас начнётся, громко крикнул:– Эй, кто-нибудь, срочно несите в медотсек побольше свежего, только что выдоенного молока речных коров и что-нибудь вроде детского рожка для Стаса! Процесс пошёл!

В этот момент в его руках были зажаты Лариска и Зинуля, а на глаза надеты бриллиантовые очки, и потому все ведлы города Алексиевска, находящиеся в этот момент на связи, услышали его. Уже через десять минут Толян и Илюха принялись поить своего брата, находящегося в полужелезачем состоянии. Спинка хирургического стола уже была приподнята, и тот с любопытством смотрел на свои выпрямленные и вытянутые ноги с голубоватой кожей, торчащие из-под простыни. Молоко ему пришлось пить со скоростью пожарной помпы, поскольку оно тоже обладало природной способностью включать механизм регенерации. Благодаря этому малыши речных коров и росли так быстро.

Целительское ведлование длилось очень долго, почти тридцать пять часов, но его результатом стало то, что Стае обзавёлся двумя практически новыми, хотя и худющими ногами, к

которым быстро вернулась чувствительность, и бывший калека даже начал шевелить пальцами. После операции все пятеро её главных участников залегли на койки, но Стае проснулся уже через шесть часов, и какая-то заботливая сиделка – это была Вика – принялась немедленно его кормить всяческими вкусными блюдами, разносолами, свежими овощами и фруктами. Парню сейчас очень нужны были витамины.

Через трое суток Ольга и Митяй провели ещё одно ведлование над ногами своего пациента, но оно длилось всего шесть часов, а ещё через трое суток – третье, после которого тот начал ходить. Сначала опираясь на специальную каталку, потом на костыли, а через две недели уже просто с палочкой. Правда, спать ему особенно не давали. По семь-восемь часов, а иногда и больше, Митяй занимался со Стасом по индивидуальной программе и закачивал в его голову огромные массы знаний, нисколько не волнуясь, не лопнет ли она у парня. На этот счёт он сразу же откровенно сказал ему:

– Стае, ты у меня либо станешь гением, либо скопытишься, и вот почему. С твоим редкостным даром нельзя быть обыкновенным ведлом. Если ты будешь иметь намного большие знания, чем кто-либо, то тогда даже инстинктивно у тебя не появится желания покопаться в чужой башке. Телепатия хороша во многих случаях, в том числе и как невербальная форма связи, но говорящие камни нам ведь тоже дают возможность общаться друг с другом на огромном расстоянии. Поэтому сканирование мозга другого мыслящего существа допустимо только в исключительных случаях, то есть тогда, когда тебе нужно знать, о чём думает враг. Люди народа Говорящих Камней не враги друг другу. Тут и к бабке ходить не надо. Кто наши враги, мы с тобой рано или поздно выясним, братишка. Твои уроки мне уже очень многое дали.

Буквально три недели спустя Митяй после шести разговоров со Стасом через огонь действительно стал телепатом, пусть и не таким опытным и могущественным, как этот тайлад. Сам Стае прекрасно понимал, что относительно телепатов его учитель абсолютно прав, – ими должны быть либо все люди, либо только самые ответственные из них, либо никто не должен быть телепатом вообще. Он быстро прогрессировал по всем направлениям, и в первую очередь в том, что касалось его физического состояния. Митяй изготовил для него в мастерских корабля тренажёры, и потому уже с раннего утра из той каюты, в которой жили три брата – Анатолий, Станислав и Илья Эльбурсы, – доносился стук железа.

Помимо того что Митяй занимался со своим новым учеником – у остальных братьев были другие ведары, не менее знающие и умелые, – он воплотил вместе с Ольгой в жизнь свою задумку относительно мясных горбов. Когда князь Алексей узнал, что мясо, кожи и меха можно получать таким простым способом, то сначала пришёл в восторг, а затем в ужас, вспомнив о том, сколько самцов лишились от его руки сначала яиц, а потом и самой жизни только ради того, чтобы стать колбасой, шапками, обувью и прочими нужными человеку вещами.

Как результат уже через каких-то две недели княгиня Ольга вернула всем кастрированным речным быкам их тестикулы, а все остальные обзавелись продолговатыми, довольно изящными обтекаемыми горбиками. И вот что удивительно: чуть ли не день ото дня такие самцы становились всё более мускулистыми и подтянутыми при том же аппетите, а их мускульные горбы, оснащённые для прочности хрящевой арматурой, чуть ли не на глазах делались длиннее, выше и массивнее. От этого самцы стеллеровых коров, быстро привыкших к солоноватой тёплой воде эстуария Евфрата, стали похожи на миниатюрные, хотя как сказать, живые атомные подводные лодки. Плавать они стали чуть ли не втрое быстрее. По расчётам Ольги, уже через год они должны будут сбросить мясные горбы, и сразу после этого у них начнутся любовные игры с самками. Ведла хорошо знала сей предмет, то есть зоологию и физиологию всех животных, которую она постигала в считанные часы, и потому очень хотела поскорее отправиться в экспедицию. Это князь Денис был домоседом, но и он проникся главной научной темой жены – изучением флоры и фауны Матери-Земли – и как-то непроизвольно стал помощником и ассистентом Ольги. Что тут можно сказать – муж и жена одна сатана.

Стае часто телепатически общался со своим ведаром. Он всё больше и больше прониклся идеями Митяя и становился его главным помощником во всех делах без исключения. Между тем новое ведловство Митяя – бескровная мясная и пушная охота – распространялось по той части планеты, где жил народ Говорящих Камней, со скоростью даже не степного пожара, а тропического урагана.

Глава 2

Золотые великаны и чёрные карлики острова Цейлон

Митяй с Таней, Ольга с Денисом, Алексей со своей супругой, смуглой тайларкой из местных, красавицей Эйдиль, и Вика сидели на горячих камнях набережной княжеского острова в купальных костюмах, загорали, болтали ногами в тёплой воде и наблюдали за тем, как трое братьев Эльбурс играют в воде с молодыми речными быками, катаются на них верхом и плавают наперегонки. Стас хотя и выглядел самым худым и хилым, мало чем уступал им в подвижности, но только пока в воде. На суше его ноги ещё проигрывали в силе и быстроте ногам братьев, но тем уже не приходилось носить телепата на себе. Охотник из него был ещё никакой, турист тоже, но Стас каждый день, утром и вечером, качал мускулатуру и быстро набирал мышечную массу, а что касается пеших походов, так и Митяй относился к ним весьма скептически.

На следующее утро «Виктория» должна была отправиться в путь, а сегодня они решили искупаться напоследок в тёплых мутноватых водах Евфрата. Наплававшись вволю, они выбрались на набережную, но братьям этого было мало. Правда, их никто особенно и не торопил, а потому они с весёлыми криками резвились в широкой протоке.

Князь Алексей, глядя на них, сказал:

– Дядька Митяй, а может, удержишься ещё на месяц? Дашь парню силёнок набрать перед экспедицией. Заодно тебе в голову ещё какая-нибудь умная мысль придёт.– Лёха, засохни, – насмешливо ответил Митяй. – Благодарю своих речных коров. Только из-за их целебного молока мы тут и задержались, а то уже давно бы были в Индии.

– Мы давно были бы в ней, Митяй, согласись ты взять на борт «Викуси» одну-единственную корову, – ворчливо отозвалась Ольга. – С горбами мы ведь разобрались всего за две недели.

На это у Митяя имелся ответ:

– Ага, разбежался. Так я и дал тебе превратить «Викусю» нашей Викуси в зверинец. Это здесь, в проточной воде, от них не воняет, да и рыба их навоз мигом съедает. Он же из одной только травы и состоит, не то что какое-нибудь поросячье дерьмо.

Вика тут же присоединила свой голос:

– Правильно, командор. Нечего каравеллу в хлев превращать, поэтому, Ольга, запомни: если тебе захочется обзавестись каким-то новым зверьём, то моя команда лучше построит тебе полосу для Суперигната, чем мы возьмём на борт животных.

– Несправедливо, – возразил князь Алексей. Все дружно воскликнули:

– Что несправедливо, Лёшенька?

– Да то и несправедливо, – с глубоким вздохом повторил князь одного, но фактический правитель целых пяти больших городов. – Вон у дядьки Митяя на груди и пузе шерстюка куда побольше моей выросла, однако его Татьяна почему-то волосатой обезьяной не называет.

Все, включая жену князя, прелестную княгиню Эйдиль, так и покатались от хохота, да не просто покатались, а попадали в воду, а этот волосатый хохмач, радуясь, что шутка удалась, вскочил на ноги, мощно оттолкнулся от камней набережной и в длинном прыжке устремился в воду. Пролетев по воздуху метров пять, он бакланом вошёл в воду, вынырнул метра в тридцати и весело, раскатисто захохотал. Да, фигурой он, конечно, более всего напоминал шкаф с антресолями, ещё бы – имел росточек два метра семь сантиметров, но зато был невероятно быстр, ловок и силён, а в воде мог соревноваться даже с горбатыми речными быками. И вот что интересно: при таком росте и могучем телосложении никому и в голову не приходило сомневаться в его умственных способностях. Алексей был одним из лучших учеников Ольги, а в некоторых вопросах даже опережал её. Правда, в этом она была не одинока. Очень

многие ученики давно уже обогнали того же Митяя по части углублённого изучения множества наук и проникновения в самые сокровенные тайны мироздания. Но никто не мог пока что превзойти его в широте знаний и научной смелости. Впрочем, он никогда не занимался чем-либо очень уж глубоко и настойчиво, предпочитая не докапываться до мелочей. Для этого у него имелись сотни узких специалистов, всегда готовых прийти на помощь со своими исчерпывающими консультациями.

Митяй, ничуть не стесняясь, частенько говорил:

– А я и не собираюсь изучать этот вопрос до конца. Этим вы будете заниматься. В честь чего я должен делать работу за вас? Вы что, не учёные, что ли?

И учёные грызли гранит наук так, что во все стороны только пыль да песок летели. Почему? Да только потому, что прекрасно знали: если Митяй придёт и займётся их тематикой, то он за месяц-полтора сделает больше открытий, чем они все, вместе взятые, за добрых два года. Такого предоставлять ему никто не собирался, и потому учёные смело ставили эксперименты, выдвигали самые невероятные, порой безумные гипотезы и потом либо подтверждали, либо опровергали их, но всё равно стремительно двигали науку вперёд и останавливаться не собирались.

Увы, но сам Митяй вовсе не считал, что он способен на великие открытия, только по одной-единственной причине: самая главная тема его исследований – происхождение говорящих камней и их связь с Матерью-Землёй – оставалась как для него, так и для всех остальных ведлов-учёных terra incognita, и тут никто с этим ничего не мог поделать, но он не унывал. Митяй знал наверняка, что рано или поздно он постигнет и эту тайну. В том числе и поэтому он отправился в продолжительную экспедицию и собирался побывать на всех континентах и чуть ли не на всех островах, заглянув в том числе и на самые маленькие.

На следующий день, рано утром, «Виктория» отчалила от пристани порта Алексиевска и через десять минут встала на крыло. Её целью был остров Цейлон. Именно с него Митяй решил начать изучение полуострова Индостан. Как о самом этом острове, так и о полуострове Индостан он имел хотя и довольно неплохое, но всё же поверхностное представление. Картографы до этих мест ещё не добрались, а потому им придётся восполнить ещё и этот пробел. Для этого он и велел Вике задержаться в Алексиевске.

Пока каравелла стояла в порту, «Викторию» подготовили к тому, чтобы та могла нести на себе два самолёта-амфибии и один вертолёт, не говоря уже о том, что её изначально укомплектовали дюжиной четырёхместных автожиров. Через боковые лацпорты они могли стартовать с четырёх выдвигающихся в обе стороны платформ даже при движении на подводных крыльях. Нужно было только сбросить скорость до семидесяти километров в час. Митяй в который раз изменил план экспедиции, и вот почему. Если раньше он хотел плыть вдоль берега и, делая остановки, сверху изучать побережье от Ирана до Индии, то, став телепатом, причём в некотором смысле даже более мощным, чем Стас, хотя и менее опытным, он почувствовал волны страха, исходящие как раз с юга Индии и севера Цейлона, с берегов Маннарского залива. Что-то там в районе мыса Кумари было не слава богу и проявлялось такой сильной волной страха, боли и отчаяния, что ему делалось не по себе и он буквально скрежетал зубами. Раз кто-то боится, значит, кто-то пугает.

В последние три дня эта волна стала усиливаться. Поэтому «Виктория» неслась через Персидский залив на полном ходу, а выйдя в Аравийское море, так ещё и увеличила скорость. Стас, читавший его мысли, тоже был взволнован, но, как и Митяй, держался спокойно и раскованно, подражая ему. Сутки спустя, когда «Виктория» вошла в Маннарский залив, они оба знали, откуда и почему исходит волна страха. В том районе Цейлона, который примыкал то ли к Маннарскому полуострову, то ли к Маннарскому перешейку, полным ходом завершалась подготовка к самой настоящей войне, и она, по сути, уже началась, так как одна из сторон понесла первые потери. Мысли читались плохо, ни Стас, ни Митяй не знали языка агрессора,

а вот эмоции ощущались очень отчётливо, но даже не это оказалось самым неприятным и страшным. Там, на Цейлоне, жило большое, агрессивное племя, многие ведлы которого были телепатами. То, чего так боялся Митяй – встретиться с целой толпой воинственно настроенных дикарей, готовых убивать всех и вся, – мало того что свершилось, так ещё и в самой страшной своей форме. Телепатия, если её повернуть в сторону захватнических войн с целью порабощения соседей, – страшная сила.

Митяй приказал Вике остановить «Викторию» в четырёхстах километрах от побережья и провёл беглую телепатическую разведку. Похоже, что весь этот папуасский военный кипиш ещё не приобрел большого масштаба и был сосредоточен в междуречье двух рек, впадающих в Маннарский пролив по одну сторону от Маннарского полуострова и в Полкский пролив – по другую.

Однако племя, ведомое на войну ведлами-телепатами, уже успело в ней отличиться. Митяй увидел несколько эпизодов глазами двух сторон – агрессора и захваченных в плен мирных жителей. Как одни, так и другие были людьми с практически чёрной кожей, только вояки были малость пониже ростом, но зато вооружены копьями с медными и даже железными наконечниками, а также длинными медными и железными ножами самой примитивной и неказистой формы. Их пленники были повыше ростом и чуть светлее. Они пребывали в ужасе от свершившегося. Пугаться им было чего, так как воины напавшего на них племени носили ожерелья из нижних челюстей, некоторые из которых принадлежали ещё совсем недавно убитым людям. От этого зрелища Митяя чуть не вывернуло наизнанку. Он телепатически прыгал от одной группы людей к другой по всему этому району и вскоре понял, что враг вторгся на Цейлон с севера, из Южной Индии. Наверное, это были далёкие предки тамиллов. Тогда как их пленниками являлись древние ведды, в его время влачившие на Цейлоне жалкое существование. Хотя как знать, может быть, после этого народ шарился по всей этой части Евразии, забираясь в Африку и Океанию ещё не раз и не два.

В это раннее утро захватчики что-то очень уж сильно шебаршились и светились, носясь по пампасам, как ужаленные, и не давая покоя своим пленникам. Вскоре Митяй понял, с чем это было связано. На юго-восток, в глубину острова, чуть ли не галопом помчались десятки воинов и погнали с собой пленных мужчин. Те же из тамиллов – так временно решил называть захватчиков Митяй, – кому было велено остаться, от расстройства избивали и насиловали женщин. Хорошо, что хоть не убивали. (Он запретил Стасу не только читать его мысли, но и даже пытаться заглянуть на остров, а потому был за него спокоен.) Митяй понял, что на Цейлоне намечается какая-то карательная экспедиция, поскольку мирные ведды не представляли собой совершенно никакой военной силы. Пометавшись мыслями окрест, он вскоре увидел глазами одного из разведчиков, на кого же нацелились тамиллы – на несколько стай огромных гигантопитеков с удивительно красивым длинным мехом чуть ли не золотого цвета, мирно пасущихся среди холмов, и сразу понял, что означали яркие, золотисто сияющие, но совершенно невнятные образы в чёрных тыковках не слишком симпатичных папуасов. Поозиравшись окрест ещё полчаса, Митяй понял, что, скорее всего, охота на гигантских золотых обезьян начнётся либо ближе к ночи, либо завтра утром, а потому принялся спешно готовиться к своей маленькой, стремительной и победоносной войне.

Он приказал поднять в воздух оба самолёта и с максимальной высоты произвести картографирование, а сам принялся спешно загружать в вертолёт своё самое секретное оружие массового поражения. Одновременно с этим он вызвал не то чтобы подкрепление, но что-то вроде этого – все большие самолёты-амфибии, которые могли долететь до Цейлона максимум за сутки, желательно раньше. Как он и предполагал, к пяти вечера наступательный порыв отрядов агрессора угас, и они, не дойдя до холмов, где паслись золотые гигантопитеки, остановились на ночлег и заставили пленных обслуживать их. Вели они себя с ними похуже, чем фашисты с советскими военнопленными, и неизвестно по какой причине убили несколько человек.

Митяй от этого даже заскрежетал зубами. Как только он получил данные ведловской аэрофотосъёмки, поднялся на верхнюю палубу, сел в большой разведывательный вертолёт и полетел к острову Цейлон на максимальных скорости и высоте. Запас хода у малозумного вертолёта был практически безразмерный, пока ведл-пилот с говорящими камнями сидит за штурвалом и время от времени делает накачку бриллиантовому термоэлектрическому реактору. Это позволило Митяю, как только стемнело, спокойно приземлиться на вершине самого высокого холма и продолжить телепатическую разведку. Поначалу он принялся наблюдать за золотыми гигантопитеками и выяснил, что они уже не были животными, но ещё не стали полноценными людьми в смысле рассудочной деятельности. Эти гиганты были травоядными и питались дикими бананами и молодыми побегами. Называть их животными у него язык не поворачивался. Огромного роста, у самых больших самцов он достигал четырёх метров, они не были похожи ни на горилл, ни на орангутангов. Имея длинную золотистую шерсть, они больше походили на даргов, но были куда шире в плечах и торсе. Они жили небольшими кланами – самец, две-три самки и четыре-шесть детёнышей – и отличались удивительной нежностью по отношению друг к другу. Во всяком случае, самцы играли со своим потомством и отдавали отпрыскам самые лакомые кусочки. Ближе к ночи самки стали делать из ветвей гнёзда. Они пригибали ветви высокого кустарника и ловко сплетали их, не ломая, а когда гнездо-навес было готово, забрались в него, сели на травяную подстилку и взяли на руки детей. Самец с длинной золотой бородой, тщательно расчёсанной самками – а он был на треть больше них, – сел у входа и загордил семейство от всяческих напастей могучей грудью. И вот на этих добродушных гигантов какая-то мелкая, злобная, черножопая срань решила устроить не просто охоту, а учинить самое настоящее побоище.

Сделав широкий круг мысленного восприятия, Митяй, уже успевший настроиться на простые, но вполне понятные мысли золотых гигантопитеков, между прочим чистые, радостные и светлые, обнаружил, что их на острове Цейлон обитает не одна тысяча, как и веддов, даже и не помышлявших охотиться на золотых гигантов. Зато это почему-то втемяшилось в головы тамилам.

Потом Митяй продолжил телепатическую разведку в стане врага и только теперь сообразил, что это был самый настоящий рейд банды Басаева. В том смысле, что все те женщины, которые находились в банде, были не просто ведлами, но и поголовно телепатками и именно от них во все стороны волнами растекалась какая-то совершенно чудовищная ненависть и стремление убивать всех чужих. Уже очень скоро он выяснил, что тамилы, или кто они там такие, были к тому же ещё и людоедами. Им было лень охотиться, и потому они убили на ужин несколько десятков веддов, мужчин и женщин. Детей, похоже, они в пяти захваченных стойбищах уже всех съели.

Самым большим желанием Митяя было взять и всех их попросту перестрелять, но на это у него не хватило бы патронов, да и разбегутся они. Поэтому он решил поступить иначе: сначала взять тамиллов на понт, перехитрить их и повязать всех до одного, а после уж сесть и подумать, что же ему делать с такой напастью. Плохо было то, что он не знал языка тамиллов, а потому не мог читать их мыслей и ему приходилось ориентироваться в сложившейся обстановке, только оценивая их эмоции. А они у них были очень яркими. Тамиллов переполняли восторг и ненависть. Восторг от того, что они такие могущественные и скоро у них у всех будут золотые шкуры, а ненавидели они своих пленников, золотых гигантов, и даже друг друга, и потому среди этих узурпаторов часто вспыхивали ссоры и затевались нешуточные потасовки. Их вожди, которых было немало, смотрели на такие схватки не просто с любопытством, а подзуживая дерущихся и подстёгивая их телепатическими приказами, но до смертоубийства дело всё же не доводили. Да, эта банда вряд ли когда-нибудь станет регулярной армией, и ни о какой воинской доблести и тем более рыцарском благородстве в ней и речи быть не может. Это была

просто шайка озверелых негодяев, и их явно такими сделали специально для захватнических войн.

Митяй, сидя в пилотском кресле, поставил перед собой небольшую серебряную жаровню, в которой горело твёрдое топливо, не дающее большого жара, но позволяющее сжигать ароматические ведловские порошки из целебных трав, кстати совершенно безвредные и не действующие как наркотик, и погрузился в ведловской транс. Это позволило ему не только провести телепатическую разведку, но и изучить язык чернокожих, называющих себя аннами. Разведка показала, что анны вторглись на Цейлон примерно два месяца назад, пройдя по Маннарскому перешейку. Перед тем они попытались было малость повоевать на континенте, и у них даже случилось несколько крупных стычек с соседями, называвших себя синдарами, но те быстро смекнули, чем это им грозит, покинули прибрежную зону, ушли в горы и закрепились там. Анны погнались было за синдарами, но у тех имелись могущественные ведлы, которые устроили несколько обвалов. Завоеватели мигом отступили и повернули на юг, оставив своё стойбище практически беззащитным. Что же, это вполне укладывалось в примитивную логику этих существ: «Пойдём повоюем, может, убьём кого-нибудь. А если нас убьют, что тогда? А нас-то за что убивать?»

Разведка также показала план завтрашней бойни. Анны вывели на исходные позиции загонщиков, как это ни странно, действительно веддов, окружив полукольцом больших золотых людей. Они должны были погнать гигантопитеков к лесу, в котором тех должны были встретить вояки с копьями и, пользуясь как оружием, так и ведловской силой, перебить всю стаю золотых великанов. Тех, которые побегут назад, разрывая от ярости в клочья безоружных веддов, должен перебить заградотряд. В лесу в данный момент находился главный военный вождь аннов, Куалат, но вовсе не он играл в этом кубле роль первой скрипки, а большая мать племени Ракаша и три дюжины таких же ведьм, как и она.

У Митяя тотчас родился план контрмер. О его эффективности судить было пока что рано, но он был построенна внезапности, мощности удара и скорости. Золотых гигантопитеков это никак не должно было побеспокоить. До места их обитания загонщикам оставалось идти добрых двадцать километров. Поэтому Митяй даже позволил себе пять часов поспать и, когда проснулся, умылся, выпил кружку холодного чая и поднял вертолёт в воздух. Зайдя во фланг вражескому построению, которое уже добрых два часа топало по пампасам, причём телепатическим приказом заставив веддов выдвинуться на добрый километр вперёд, Митяй обрушил на их головы целый поток взрывпакетов, причём не из чёрного пороха, а динамитных, с циркониевой начинкой, дающей ослепительную вспышку.

Вообще-то он ставил заграждение перед цепью аннов, но тем не менее достаточно близко, на расстоянии десять-пятнадцать метров. Бомбомёт работал как часы, и круглые шары летели вниз один за другим, взрываясь позади вертолёта. По его расчётам, свето-шумовые бомбы должны были взрываться через каждые двадцать метров и тем самым создавать чуть ли не сплошную линию огня, а их он взял с собой в полёт до фиغيща. На неделю войны хватит. Наблюдая за аннами, Митяй видел, что те удирали, побросав оружие, и мчались к озеру, на берегу которого в большом разорённом стойбище веддов Ракаша устроила себе ставку. Некоторым аннам, самым прытким, не повезло. Они оказались слишком близко к взрывам, их опалило очень сильно, до полусмерти, и теперь они катались и бились в агонии. Митяя их страшная кончина совершенно не взволновала.

Это было далеко не всё, что он собирался опрокинуть на их головы. За семь часов телепатического ведлания он сложил о них достаточно полное представление, и оно его совершенно не радовало. Почти девяносто процентов участников этого рейда были вполне сформировавшимися, законченными ублюдками, которые признавали единственную форму своего безбедного существования – порабощение других племён и медленное, планомерное их уничтожение

путём употребления в пищу. Увы, судя по всему, над этим билось не одно поколение ведьм вроде Ракаши.

Разогнав загонщиков – причём одни из них остановились, почувствовав, что их сознание освобождено, а другие мчались к своей верховной ведьме с нечеловеческой скоростью, – Митяй полетел к лесу, и вскоре бомбомёт снова отрывисто заухал. На этот раз воин церемонился ещё меньше, а потому жертв было больше. Около сотни человек попросту сгорели заживо, поскольку пламя имело очень высокую температуру. Совершенно не пострадал всего лишь один анн – Куалат, которого ведл-телепат чуть ли не сразу же спеленал. Вся его охрана мгновенно удрала, как только метрах в пятидесяти перед ними полыхнуло три ярких, оглушительно громких взрыва. Патологические убийцы, как всегда, ещё и трусые, а потому никто не остался рядом со своим парализованным главарём.

За каких-то полчаса Митяй разогнал всю банду дикарей, после чего совершил посадку, выбрался из кабины и, держа в руках карабин, решительным шагом направился к Куалату, сидящему и дёргающемуся на совершенно идиотских носилках. По пути он добил троих истошно воющих, умирающих дикарей.

Военный вождь аннов выбрал себе для наблюдения небольшой пригорок, на котором росли две высокие вечнозелёные мансонии, и велел поставить свои носилки между ними. Видя приближающегося врага, одетого в камуфляж, он изо всех сил попытался дотянуться до копья. Увы, но у него ничего не получалось, хотя он и был телепатом. Поднявшись на пригорок, Митяй, глядя на его потуги, усмехнулся. Усмешка у него вышла очень недоброй, и Куалат зарычал в бессильной злобе. Самым паршивым для него было то, что Митяй, постоянно искавший в телепатии все её сильные и слабые стороны, уже кое в чём преуспел. В частности, он попросту блокировал все попытки этого типа связаться со своими присными, и тот для них словно бы умер. Военный вождь аннов оказался довольно высоким, широкоплечим мужиком лет тридцати пяти на вид, косматым, с клочковатой, длинной, кучерявой бородой и тёмно-коричневой, с лиловым отливом кожей. Типичный баклажан. Он был мускулист, одет в тунику из шкуры леопарда и обут в меховые онучи.

После того как Митяй добил троих умирающих от ожогов аннов, в округе воцарилась полная тишина. Каратель встал перед анном и рычащим от гнева голосом громко сказал:

– Говори, как ведл, все слова своей речи, чтобы я мог её выучить и разговаривать с тобой, Куалат.

– Не буду! – выкрикнул в ответ вождь. – Сейчас мои охотники вернутся, и твоя челюсть будет висеть у меня на груди.

Да, на груди у этого ублюдка их выстроилось аж три ряда – целое кладбище. Митяй развёл руками и освободил Куалата от своего ментального захвата. Тот мгновенно схватил копьё и ринулся на противника. Понятно, этот тип уже насобачился убивать людей и, похоже, давно позабыл, если вообще знал, как охотиться на животных. Ловко увернувшись от копья, Митяй с разворота, по-футбольному, врезал Куалату сбоку правой ногой по коленному суставу, и тот, свалившись, истошно завопил, выпустил копьё из рук и ухватился за ушибленную ногу. В Митяе сразу взвыл Крейзи Шутер, и он принялся то так, то сяк выкручивать дикаря конечности, отчего лес снова наполнился истошными, душераздирающими воплями. Познакомив этого ублюдка с болью, он содрал с него леопардовую тунику, вытащил из-за пазухи моток толстого, очень прочного шнура и принялся связывать главаря бандитов по рукам и ногам. Локти он стянул ему за спиной, а вот колени притянул к груди. После этого отправился к вертолёту и принёс из него лопату, топор и меч с бритвенно острым лезвием, напоминающий не то катану, не то казачью шашку. Этот меч он выковал из чертовски прочного булата ещё лет шесть назад втайне от всех. С тех пор он хранился под замком в стальном сейфе вместе со всем прочим оружием. Помимо него он прихватил с собой ещё и ведловскую жаровню.

Митяй перебросил через сук верёвку и развернул носилки, чтобы дикарь-людоед всё видел. Потом сходил в лес и срубил тонкое деревце. Это тоже оказалась мансония, одна из разновидностей красного дерева, хотя и не палисандр. Так что полутораметровой длины кол, который он из него выстругал, получился довольно роскошным, если обращать внимание на ценность породы дерева. Примерив верёвку, он выкопал с помощью ведловства ямку глубиной чуть более полуметра, опустил в неё кол и, засыпав её каменистой землёй, плотно утрамбовал. Кол для сажания на него военных преступников у него получился просто замечательный. Весьма толстый и в то же время довольно острый, чтобы быстро войти в задницу Куалата. Похоже, что вожачок всё понял, раз принялся снова громко верещать, но Митяй не собирался менять своих планов. Всё это время он сканировал память этого зверя и узнал про него такое, что частенько рычал страшнее, чем разъярённый пещерный лев.

Он подтащил Куалата к импровизированному эшафоту, пропустил под мышками верёвку и поднял над колом, после чего, держа верёвку в руках, повторил:

– Говори, как ведл, все слова своей речи, чтобы я мог её выучить и разговаривать с тобой, Куалат.

Тот снова выкрикнул:

– Я не стану говорить с тобой, белый курум! – Несколько секунд спустя чёрное очко встретилось с остриём кола красного дерева, в результате чего планы Куалата сразу же изменились, и он завопил: – Я буду, буду говорить с тобой ведловским языком, великий белый курум!

Митяй кивнул, поднял дикаря повыше, привязал верёвку к тяжёлым носилкам и, устроившись на них поудобнее, запалил жаровню, бросив в неё несколько щепоток ароматических порошков. Хотя они и не играли особой роли, ведловство, ведущееся с двух сторон, пошло быстро, и за каких-то четыре часа Куалат научил его говорить на языке аннов. Но ведловство на этом не закончилось. Митяй заставил рассказать ему, почему анны превратились в хищных тварей. История оказалась довольно простой. Сначала анны более ста лет назад нашли на галечнике реки самородную медь и быстро наострились делать из неё наконечники для копий, что упростило их задачи на охоте. Немного позднее им и вовсе подфартило – они нашли кратер, а в нём чуть ли не две сотни обломков метеоритного железа. Уже умея обрабатывать ударами камня медь, они наковали себе ещё и железных наконечников и ножей и даже научились их затачивать, причём это железо не ржавело. Среди аннов довольно часто рождались ведлы-телепаты, и потому по части охоты им не было равных. Да, их бы умения на пользу обществу, но, увы, рано или поздно, а точнее, лет восемьдесят назад нашлась одна ушлая курумша, которая смекнула, что было бы неплохо объединить всех аннов, а остальные племена подчинить себе, и так и сделала, а вскоре выяснила, что человечина очень недурна на вкус и что с убийством человека гораздо меньше возни, если ты могущественный телепат. К тому же сначала человека можно заставить натаскать дров и разжечь костёр, чтобы его же потом на нём зажарить.

Старая курумша Ракаша назначила Куалата военным вождём только потому, что тот не знал ни к кому жалости, был силен физически, зарекомендовал себя могущественным курумом, умевшим держать в подчинении сразу двадцать рабов, и был к тому же неглуп и весьма изобретателен. Правда, все остальные племена старались держаться подальше от аннов. Но настало время, когда те сожрали всех галго, по-аннски рабов, и аннам пришлось снова охотиться, от чего они уже отвыкли. Тогда они пошли войной на синдаров, но те поднялись в горы и свалили им на головы множество камней. Так что им пришлось отправиться в опасный путь на юг. Всего в поход пошло почти три с половиной тысячи аннов, то есть все взрослые мужчины и примерно пятая часть женщин, умеющих убивать людей, как куропаток. Они давно уже знали, что на юге, на большом острове, живут золотые великаны, съев сердце которых можно стать таким же сильным, как и они. Мечтая отомстить синдарам, анны, совершенно не думая о том, что будет с их оставшимися детьми и большинством женщин – авось как-нибудь проживут, – решили сначала убить как можно больше золотых великанов, а потом отправиться в

горы, переколотить там синдаров и двинуться дальше, вслед за уходящими от такой напасти на север другими племенами. В общем, планы у Ракаши были наполеоновские.

Допросив пленного и хорошенько порывшись в его голове, Митяй понял, что перед ним висит уже не человек, а самая настоящая хищная тварь, которая никогда не станет жить так, как живут все остальные люди в каменном веке. Как и тигр, однажды попробовавший человеческого мяса и ставший свирепым тигром-людоедом, Куалат ни о чём другом уже и помыслить не мог. Даже будучи связанным по рукам и ногам, он кровожадно смотрел на Митяя и задавался вопросом, каково оно на вкус, белое мясо. От таких мыслей людоеда, учинившего на этом острове жуткую резню, Ботанику стало немного не по себе. Он встал с деревянных носилок и, держа меч в ножнах в левой руке, шагнул к нему. Вожачок мигом смекнул, что для него настал час расплаты, и завопил:

– Отпусти меня, великий белый курум! Я стану твоим галго и буду убивать для тебя других людей!

Митяй отрицательно помотал головой:– Я не ем человеческого мяса, урод, не убиваю людей сам и не даю делать это никому, но раз ты так просишь, то я тебя отпущу, только ты далеко не уйдёшь.

Митяй выхватил из ножен меч и стремительным движением перерубил верёвку над головой людоеда, и Куалат камнем рухнул прямо на кол. Роскошный кол красного дерева вонзился в чёрную задницу, и по нему потекла алая кровь пополам с дерьмом людоеда, заоравшего с нечеловеческой силой. Митяй не дал ему долго мучиться и мощным ударом снёс голову с плеч. Обезглавленная, скрученная прочным шнуром туша людоеда несколько раз конвульсивно дёрнулась, но с кола не свалилась и стала медленно нанизываться на него. Митяй достал из планшета бриллиант огня размером с грецкий орех, испепелил труп анна и принялся быстро собираться в дорогу.

Было уже четыре часа пополудни, и ему следовало срочно завершить операцию. Благодаря более тесному знакомству с Куалатом, оказавшимся и в самом деле очень изощрённым курумом, он кое-чему научился в ходе телепатического и ведловского допроса. В частности, научился брать под полный телепатический контроль сразу несколько человек. Тем более что это оказалось не таким уж и сложным делом. Замотав голову Куалата в леопардовую шкуру, он вернулся к вертолёту. Положив оружие и свой трофей в кабину, Митяй сел в пилотское кресло и телепатически связался с Ракашей, толстой, рослой тёткой лет пятидесяти, до жути злобной и свирепой. Не долго думая, он представился ей таким образом:

– Ракаша, я великий дух этого острова, Митяй, отец золотых великанов и их небесный покровитель. Ты вторглась на мой остров, даже не подумав, кто здесь хозяин, но мне понравились твои охотники. Мой враг – великий дух гор большой земли, из которой ты пришла. Он живёт в горах, и ему поклоняются синдары, повелевающие камнями. Сейчас я прилечу к озеру и напою тебя и твоих охотников напитком силы, а потом поведу вас на большую землю. Там вы убьёте синдаров, а я сражусь с великим духом гор, убью его и стану самым великим духом на земле. Но сначала ты отпустишь всех людей, которые были галго моих золотых великанов. Если ты не сделаешь этого, то я вас всех превращу в лёд. Собери всех своих охотников и жди меня на берегу озера.

Своё телепатическое обращение он сопроводил весьма занимательной картинкой: вертолёт завис над озером, прямо под ним возникла льдина, и от неё к берегу побежала ледяная, всё время расширяющаяся дорожка. Чтобы Ракаша не вздумала с ним спорить, Митяй сначала так скрутил её внутренности, что та обделалась, а затем ещё и треснул ведьму по мозгам. Впрочем, та пришла в себя довольно быстро и принялась истошно вопить, отдавая приказания вслух и телепатически.

Практически вся банда была уже в сборе и теперь спешно перевооружалась. Все анны, отправившиеся в охотничью экспедицию, были голодны, измучены, многие получили ожоги

и жутко напуганы. Свои живые консервы они тотчас турнули и стали подтягиваться к озеру. Люди, мужчины и женщины, спасшиеся от неминуемой смерти, бежали от берегов озера, где они пережили такой кошмар, изо всех сил. Митяй не стал испытывать их нервы на прочность, взлетел повыше и на максимальной скорости, делая огромный круг, полетел к озеру. Он быстро произвёл подсчёты и выяснил, что из примерно шести тысяч человек, живших некогда в этих благодатных краях, в живых осталось чуть меньше четырёх тысяч, обглоданные кости и черепа их несчастных соплеменников валялись повсюду непогребёнными. Вершитель судеб немедленно отдал приказ князю Денису подготовиться к проведению спасательной экспедиции, а сам продолжил карательную.

Девять больших самолётов-амфибий со всем необходимым оборудованием уже находились на подлёте. Он приказал им приводниться в Полкском проливе и ждать его дальнейших приказов, а сам, долетев до озера, стал быстро снижаться. Ракаша, смекнувшая, что ей лучше не выпендриваться, согнала к озеру всю свою банду. Митяй завис в полукилометре от берега на высоте в сотню метров, чтобы аннам была хорошо видна сверкающая на солнце птица. Как только в толпе черномазых людоедов кто-то начинал возмущаться, с ним тотчас случались неприятности в виде корчей и жуткого, просто реактивной силы поноса. Таким образом лётчику в считанные минуты удалось заставить всех аннов относиться к происходящему с полной серьёзностью. А когда они затихли, то прямо под сверкающей птицей на поверхности озера появилось большое белое пятно, и в их сторону устремилась белая, ледяная, быстро покрывающаяся инеем полоса, которая остановилась метрах в десяти от берега. От неё повеяло лютым холодом, и анны попятнулись от воды, но последовал резкий окрик довольной Ракаши – ещё бы, огребла в союзники великого небесного духа! – и все замерли. Митяй полетел к берегу, и позади вертолёт снова загрохотали ослепительно-яркие шары взрывов. Это многие анны уже видели и потому в ужасе пали на колени. Все, кроме ликующей Ракаши. Она сдвинулась с места, только когда вертолёт подлетел к берегу и, развернувшись, опустил на землю.

Митяй поднялся из пилотского кресла и вышел в грузовой отсек. Перед финалом он переоделся в белоснежный кожаный наряд и в таком виде, с белой шляпой на голове, открыл широкий люк и предстал перед Ракашей, уже успевшей отмыть от дерьма своё широченное гузно. Пинком вышвырнув свёрток из леопардовой кожи – тот развернулся, и ведьма увидела голову Куалата, – Митяй, работая силовыми полями, выхватил у кого-то из рук копьё, воткнул его древком в землю, и в следующее мгновение на него насадилась голова военного вождя аннов. Новоявленный дух спустился на берег, и вслед за ним из грузового отсека вылетел здоровенный, высотой в два метра и шириной в три, отполированный до зеркального блеска бронзовый котёл, накрытый тяжёлой крышкой. Крышка отлетела в сторону. Митяй выстроил всех людоедов слева от котла, возвёл вокруг него помост из четырёх широких лавок метровой высоты и повесил на край две дюжины половников, на литр каждый, поднёс руку ко рту, и из громкоговорителя вертолёт до аннов донесли слова:

– Ракаша, пусть твои охотники выпьют сладкой крови моих золотых великанов, и тогда они станут такими же сильными и могучими.

Котёл был доверху наполнен весёленьким ликёрчиком из малинового сиропа, пищевого красителя тёмно-красного цвета, спирта и опия. Всего пол-литра этого пойла, крепостью в сорок пять градусов, вполне хватило бы, чтобы человеку сначала сделалось минут на пятнадцать весело, после чего у него начинался мощнейший приход и он отключался суток на двое, а то и на трое, но его было заготовлено с запасом. Только так Митяй и мог вырубить банду.

Ракаша подошла первой и с самодовольным видом вылакала целых два половника бесива, отчего настроение у неё сразу же сделалось игривым, но ведьма лишь перелетела по воздуху метров на тридцать и плавно приземлилась на затоптанную траву, где сразу же решила устроить стриптиз. К ней моментально присоединилось ещё два десятка аннов, и пьянка на берегу озера стала быстро набирать обороты. Большинство аннов стремилось, как и Ракаша, выхлестать два

половника, и Митяй этому не препятствовал. В котле ведь находилось почти семь кубов пойла. Через полчаса банда упилась в лоскуты, хотя ноги у них начали отказывать уже минут через десять, а ещё через час людоеды, пьяные и обдолбанные опийной настойкой, смачно храпели. Что им мерещилось, Митяй мог увидеть, но его это совершенно не интересовало. На озеро один за другим стали опускаться шестимоторные самолёты-амфибии, похожие на «Бе-200», высотой двенадцать с половиной метров и длиной пятьдесят два, подплывали к пологому берегу и выезжали на него из воды. Это были транспортные машины, наспех превращенные в летающие автозаки. Как Митяю ни хотелось спалить всю эту сволоту к чёртовой матери, он решил не делать этого. С борта трёх самолётов сошло на берег почти пять сотен человек и была спущена техника, в основном автожиры.

Это был первый отряд спасателей, одной части которого предстояло собрать всех людей, отвести подальше и постараться их хоть как-то успокоить, хотя это и представлялось делом почти неразрешимым. С перенесёнными ими зверствами Митяй в каменном веке ещё не сталкивался. Второй части отряда предстояла куда более скорбная миссия – собрать все останки убитых и съеденных людей, чтобы захоронить их в братской могиле. Сам же он вместе с отрядом карателей принялся загружать отрубившихся людоедов в самолёты, раскладывая их по нарам и привязывать к ним. В полёт каратели брали с собой также опробованное пойло, чтобы догружать и снова отключать тех, кто начнёт шевелиться раньше времени. Полёт предстоял долгий, и потому Митяй громкими криками подгонял всех, призывая поторопиться, чтобы потом не нарваться на неприятности.

Через три с половиной часа девять самолётов взлетели в воздух и полетели курсом на остров Святой Елены. Остров был на все сто процентов необитаемым, и от него до ближайшего, такого же необитаемого клочка суши было две тысячи четыреста километров. На борт самолётов был погружен весь скарб аннов, наверное, вместе с хабаром веддов, все шкуры, а также всё то их оружие, которое удалось найти. Единственное, о чём пожалел Митяй, так это о том, что у него не было с собой пары тонн мышьяка, чтобы уже на острове перетравить всю эту нелюдь точно так же, как англичане однажды отравили там другого изверга из его прошлого, с погонялом Наполеон.

Через четырнадцать часов самолёты долетели до острова и приводнились в заливе Дип-Вейли, в который впадала река с таким же названием, и выбрались на берег. Ещё во время погрузки ведлы провели полную стерилизацию всех мужчин и женщин, так что детей у них не могло появиться ни при каких обстоятельствах, а нескольким ведьмам, недавно залетевшим, сделали аборты. Никто из аннов так и не проснулся за время полёта. Их выгрузили из самолётов, залечили раны, травмы и ожоги самым невезучим, вышвырнули их хабар и, оставив на острове посреди Атлантического океана, к которому Митяй надолго велел всем забыть дорогу, карательная экспедиция улетела.

Митяй не стал шадить чувства своих друзей и рассказал о том, кто такие анны и чем те промышляли. Это привело людей в шоковое состояние.

От берегов острова Святой Елены они направились на юг Индии и приводнились недалеко от того места, где находилось большое стойбище аннов. Митяю предстояло теперь решить судьбу остальных членов этого племени, и он даже не удивился, когда увидел, что те в отсутствие своих сородичей-людоедов бродят по берегу реки Вайпай с острогами и занимаются рыбной ловлей. Однако с севера к ним уже приближалась беда – синдари, прознавшие о том, что основная шайка врагов ушла по перешейку на южный остров, и решившие на всякий случай перебить всех оставшихся аннов. Митяй решил вмешаться и эвакуировать их всех, стариков, так и не научившихся убивать, женщин, также не способных на хладнокровное убийство, и детей, ещё не ставших убийцами, в Африку, чтобы рассеять племя по континенту и тем самым прекратить его существование в таком виде. Зато все они будут жить как отдельно взятые индивидуумы, но довольно долго за ними будет внимательно наблюдать. Телепатов среди них

не было ни одного, и это успокаивало Митяя. По крайней мере, хоть с этой стороны жителям Африки в ближайшее время не грозили никакие неприятности.

Когда он собрал всех аннов вместе и довёл до их сведения, как с ними поступят, те вздохнули с облегчением, поскольку прекрасно понимали, что иначе их ждёт неминуемая гибель. Веддам же теперь придётся как-то пережить своё горе. Увы, Митяй не мог помочь им больше ничем, кроме как ввести в новую жизнь.

Через неделю, когда обстановка немного успокоилась и на Цейлоне заложили в самых живописных местах сразу двенадцать городов, ещё пятнадцать было заложено на юге Индии, Митяй приступил к изучению острова. Он поговорил с веддами и узнал, что те живут с золотыми великанами душа в душу и даже иногда просят их помочь им, когда требуется грубая физическая сила. Разумеется, за плату в виде, как это ни странно, свежей рыбы, которую те очень любили, но не умели ловить сами. Они и к воде-то подходили довольно редко, поскольку предпочитали жить среди холмов, в лесостепи. Густой тропический лес им тоже претил. Золотых гигантопитеков даже не нужно было одомашнивать, так как они не были животными, и Митяй смекнул, что, как только люди разобьют сады и плантации по берегам рек, эти красавцы обязательно захотят жить рядом с людьми, и ведды, когда он им это объяснил, пришли в восторг. Оказывается, от золотых великанов, как взрослых, так и малышей, исходила волна целительной энергии, которую они называли золотым дыханием, а попросту – какие-то особые фитонциды животного происхождения, отчего те пахли цветами. В общем, Митяй уже очень скоро завёл такую дружбу с одним семейством, что сманил их жить на «Викторию». А что, шуба у золотых великанов была шикарная, врагов в природе у них не было вообще, так что единственную угрозу для них представляли анны, с которыми они, к счастью, так и не встретились. Митяй верил, что кавказские зимы не окажутся для них слишком уж серьёзным испытанием.

Глава 3

Чудо прямо под самым носом

Глядя на город, стоящий на берегу реки, Герка басовито прорычал: – Р-р-ым!

– Не Рым, а Рим, бестолочь, – попенял ему Митяй. – Нечего такие простые слова коверкать. А ну-ка скажи правильно: Рим.

Громадный молодой золотой гигантопитек оскалился и довольным голосом повторил:

– Ну, Рим. – И тут же добавил: – Хочу есть.

– Можно подумать, что ты меня этим удивил! – рассмеявшись, воскликнул Митяй. – Ладно, Герка, пошли есть.

С тех пор как он заманил всяческими посулами и сладкими фруктами целое семейство золотых гигантопитеков, состоящее из огромного самца, трёх самок и шести детишек, на борт «Виктории», прошло двенадцать лет. Из восьмилетнего малыша, ростом побольше Митяя, Геракл превратился в молодого могучего гиганта высотой три с половиной метра. Его папаша, Зевс, был всё-таки пока ещё выше ростом и чуть ли не упирался головой в потолок. У Герки было пять сестричек, но трое из них уже покинули семью. Они были старше его на три года, у них наступила пора любви, и потому за ними специально выслали самолёт, чтобы отвезти к женихам в Ребалан. Гигантопитеки жили и в Дмитрограде, но Афине, Ио и Гекате понравились парни из того города, когда они увидели их через ведловские очки. По своему умственному развитию даже Зевс не превосходил шестилетнего ребёнка и был таким же любопытным и озорным. Да, соскучиться с такими друзьями было невозможно. Несмотря на свои огромные размеры и вес, они были очень грациозными и осторожными существами. Их самой большой страстью было помогать людям что-либо делать. На тонкую работу они были неспособны, зато на погрузочно-разгрузочных им цены не было. Что Зевс, что его сын Герка запросто поднимали контейнер весом в две-три тонны. Впрочем, любили их вовсе не за это. За добрый нрав, постоянную волну тепла и исцеляющей энергии, а также за весёлое настроение.

Добродушные золотые гиганты никогда не унывали и поднимали всем настроение одним только взглядом своих лучистых, янтарно-карих глаз. Они не стремились походить на людей, хотя для удобства и стали носить широкие и длинные, ниже колен, килты из толстой кожи с широкими помочами и большими карманами. Надо же куда-то класть большие сладкие коврижки и пряники, а также огромные гребни из нержавеющей стали. Золотые гигантопитеки часто расчёсывали свою длинную шерсть и вычесанные шерстинки аккуратно складывали в задние карманы килтов, а потом отдавали людям. Шерсть у них была удивительно тонкая, шелковистая и мягкая, росла постоянно, как у пуховых коз, и из неё команда «Виктории» уже связала себе по паре-тройке золотых свитеров, пахнущих тропическими цветами даже после сотой стирки.

С острова Цейлон золотые гигантопитеки разъехались чуть ли не на все континенты, и им везде были очень рады, поскольку добрее и ласковее трудно было найти какое-либо другое существо. С ними могли соперничать разве что стеллеровы коровы, но ведь они-то не были разумными и говорить не умели, а с гигантопитеками можно было общаться чуть ли не на равных. Хотя они и не умели ведловать, в их присутствии любое ведловство получалось намного лучше. А ещё они были самыми лучшими помощниками человека, когда речь заходила об уходе за другими огромными животными.

В их присутствии даже строптивые единороги делались пайньками, и их уже не приходилось умирять с помощью ведловства. Единственное, чего не любили золотые великаны, – это оставаться в людских жилищах на ночь. Зато они быстро привыкали к своим собственным квартирам. На борту «Виктории» Митяй, каким-то шестым чувством понявший, что им больше всего придётся по вкусу, сразу же оборудовал для семейства Зевса большое круглое

гнездо с зелёным балдахинном, и этот отсек трюма, полы которого застелили зелёным пластиковым ковром под траву. Зевс, Афродита, Артемида и Гея с детьми, отправившись в долгое путешествие, остались очень довольны своим новым домом и часто благодарили за него Митяя, хотя благодарить им его нужно было совсем не за это. Никто так никогда и не рассказал золотым великанам, какая участь им и их добрым соседям веддам грозила со стороны аннов. Впрочем, об этих событиях никто не рассказывал. Так велел Митяй, и с ним не стали спорить. Тех веддов, которые пережили весь этот кошмар, окружили такой заботой и любовью, а заодно так загрузили учёбой, что через какое-то время они если вспоминали те дни, то как какой-то страшный сон, да и тот под телепатическим воздействием практически стёрся из их памяти.

Воздействие, естественно, было оказано на них Митяем и Стасом. Может быть, только благодаря ему они не свихнулись, как и те анны, которых пришлось эвакуировать из Индии. Увы, но им тоже пришлось малость промыть мозги, а потому никто так толком и не узнал, что же произошло на Цейлоне. Митяй надеялся, что ни с чем подобным им больше не придётся столкнуться, и в принципе не ошибся. Ничего даже близко напоминающего это безумие за последующие двенадцать лет он больше нигде не встретил. Людей на планете Земля жило ещё очень мало, чуть меньше пяти миллионов, и выживать им приходилось в очень тяжелых условиях. Если бы не врождённое ведловство, то по соседству с мегафауной, тупо искоряющей себя и без особого участия человека, люди могли и не выжить. Да, у древнего народа только благодаря той перетасовке, которую учинил Митяй, появилось не просто второе дыхание, а новый стимул к жизни. Главный ведл сосредоточил усилия всех людей народа Говорящих Камней на спасении мегафауны, и они дали превосходные плоды. Неандертальцы, эти прирождённые экологи, вооруженные знаниями и мощными машинными технологиями, ловко перетасовывали земных обитателей, и теперь можно было смело сказать, что на Земле установился баланс.

История с мясными горбами нашла своё продолжение и в дикой природе. Всего одна инъекция копытным и прочим травоядным гигантам – и те стали отращивать мясные горбы. Через несколько лет добычей хищников, количество которых жёстко контролировали егеря в самых благодатных районах, стали только самые старые особи и мясные горбы молодых, которые оставались в их когтях, словно хвост ящерицы. Именно её природная способность легла в основу такой трансформации гигантов, и лишь в самых отдалённых и неблагоприятных с точки зрения кормовой базы районах жизнь протекала по старинке. Однако Митяй уже неоднократно получал донесения, что во многих районах Земли флора словно проснулась. По всей видимости, это было всё-таки связано с тем, что после великого африканского эксперимента гляциологическая служба народа Говорящих Камней нарастила мощь ледников в Австралии, на Северном Кавказе, в Альпах, в Малой Азии, Северной и Южной Америке. Большой ледник за эти годы отступил далеко на север, в результате чего открылся Северный морской путь, но при этом огромные ледяные массивы образовались в экваториальной и прилегающих к ней зонах. Оба великих морских течения, Гольфстрим и Эль-Ниньо, работали как мощнейшие насосы, атмосфера с её циклонами и антициклонами равномерно распределяла влагу по всей поверхности суши, и даже уже имеющиеся пустыни стали покрываться зеленью.

Похоже, что Мать-Земля тоже решила не оставаться в стороне от этого процесса. Самым убедительным доказательством этого Митяй считал то, что за всё то время, что он жил в прошлом, а ведь прошло уже почти тридцать лет, не произошло ни одного крупного землетрясения и ни одного катастрофического извержения вулканов. Что же, это настраивало его на рабочий лад ещё больше, как и весь народ Говорящих Камней. Трудиться на благо Матери-Земли, чтобы получить от неё в благодарность всё, что твоей душе угодно, давно уже стало нормой для всех.

Впрочем, лучше всего в этих вопросах разбирались золотые гигантопитеки и их ближайšie родичи, с которыми они могли спокойно скрещиваться, – красные гигантопитеки, живу-

щие в горах на юге Китая. Как одни, так и другие особенно остро чувствовали, что хорошо, а что плохо для Матери-Земли. Если раньше люди были им до одного места, то к народу Говорящих Камней они потянулись сами, а тот сразу нашёл чем отплатить за такое внимание – самыми вкусными и сладкими плодами из своих садов. Митяй ни разу не пожалел о том, что он, повинувшись какому-то импульсу, потащил золотых гигантопитеков, чудом сохранившихся на острове Цейлон, в экспедицию. Вообще-то все они сибариты и домоседы и не склонны к авантюрам. Во всяком случае, были таковыми до знакомства с людьми народа Говорящих Камней.

Именно благодаря им новые люди и сделали множество удивительных открытий. Однако самым первым были почти три миллиона говорящих камней сначала острова Цейлон, а потом и Южной Индии. Стоило только ведлам начать большую каменную охоту на берегу Маннарского залива, как в движение пришли чуть ли не все говорящие камни не только этого острова, но и ближайших районов Южной Индии. Ясное дело, что все они тронулись в путь по повелению Матери-Земли. Самым громадным из них был гигантский кристалл зеленоватого кварца длиной двадцать один метр и девять метров в поперечнике. Из него Митяй прямо на берегу изготовил шестигранную призму Глаза Земли, самого большого ведловского телескопа планеты, который он распорядился установить на пике Адама, хотя неподалёку имелась горушка и повыше. Адам был ему как-то ближе. После этого он отправился потрошить плато Декана, давшее ещё большее количество говорящих камней, и тоже не сходя с места. Но самое главное – говорящие камни стали делиться с людьми информацией о том, что десятками тысяч лет происходило вокруг тех мест, где они родились и обрели такое удивительное свойство – откликаться на ведловство людей и наделять их силой.

Потом экспедиция двинулась в обратный путь, к Ирану, и не зря, так как помимо африканских индрикотериев нашли в верховьях Инда, в предгорьях Гималаев, их азиатских сородичей, ещё более крупных. Эти гиганты имели в высоту по восемь и более метров, но их осталось очень мало, всего пятьдесят три особи. Поэтому они тотчас вызвали пристальный интерес у князя Олега, и он немедленно направил туда своих самых лучших специалистов. Теперь поголовье этих удивительных животных увеличилось почти в два раза, да к тому же путём искусственного осеменения самок удалось получить более крупное и мощное их потомство.

На планомерное ведловское изучение этого района у Митяя и его команды исследователей ушло почти полтора года, после чего они отправились в Восточную Индию, где в устье Ганга провели ещё одну большую каменную охоту. Она, как и первые две, тоже оказалась очень удачной, и за Митяем окончательно закрепилось уважительное прозвище, чуть ли не почётное звание – Отец Говорящих Камней. Ни в чьи больше руки эти удивительные создания Матери-Земли, являющие собой самые различные минералы, не шли столь же массово.

В Гималаях и на Тибете экспедиции делать было нечего, они были полностью покрыты ледником, а потому Митяй с соратниками направился в Бирму и затем дальше, в Индокитай и Юго-Западный Китай. Вот там-то им посчастливилось, поднявшись вверх по реке Янцзы, обнаружить большую популяцию красных гигантопитеков, насчитывающую несколько десятков тысяч особей. О, там произошла просто незабываемая встреча двух очень близких между собой по крови существ, практически одного и того же вида, но с разным цветом шерсти. Китайские гигантские гоминиды только тем и отличались от цейлонских, о которых палеонтологи не имели ни малейшего представления, что имели медно-красную шерсть. В считанные дни в этот район Китая прилетело за новыми друзьями столько людей, что бедные великаны даже оробели, но им очень понравились фрукты, которые привезли им в дар люди. Особенно огромные сладкие арбузы и дыни.

Теперь там жило и около трёх тысяч золотых великанов. И золотых, и красных гигантопитеков растащили по всей планете. Ещё бы, каждый город за счастье считал, если в нём жили эти обаятельные, добродушные и весёлые существа, которые так быстро осваивали человеческую речь, запоминая до пяти тысяч слов. Более того, они употребляли их к месту и, хотя не

стремились подражать людям, быстро учились всяческим премудростям. Будучи вегетарианцами, гоминиды нуждались в огромном количестве корма и постоянно перемещались в его поисках. Поэтому, как только люди предложили им перейти на овощи, фрукты и выпечку, преимущественно сладкую, в виде коврижек, коржей, пряников и пудингов, а также познакомили с молоком, сыром и творогом, гигантские гоминиды не задумываясь согласились жить в городах.

Сразу же возникла другая проблема: как преодолеть гиподинамию, но она разрешилась сразу же. Золотые и красные гигантопитеки, как уже говорилось, оказались самыми лучшими помощниками людей на тех фермах, где разводили представителей мегафауны, кроме речных и морских. Они не любили никакой другой воды, кроме дождя, но молоко стеллеровых коров пили с удовольствием и даже трескали мясо морских гигантов, но понемногу. К тому же люди оценили ароматную шерсть и красных гигантопитеков, и те тоже охотно вычёсывали её сами и отдавали своим кормильцам. Так что это было достаточно взаимовыгодное сотрудничество, и обе стороны были очень довольны. Единственное, во что гигантопитеки так и не смогли врубиться, так это в письменность. Они совершенно не умели различать любые плоские изображения, зато имели неплохое объёмно-пространственное воображение и потому легко читали объёмные, рельефные карты местности. Поэтому никто не боялся, что они пойдут на прогулку и заблудятся.

От предгорий горы Гунгашань Митяй и его экспедиция отправились к озеру Лобнор. Огромное судно-вездеход легко преодолеvalo нешуточные препятствия, и вскоре они были на месте. Там Митяй стал изучать с воздуха плато Такла-Макан, Таримскую впадину, Кашгарию и Цойдамскую котловину, сделав множество удивительных находок. На Великой Китайской равнине им делать было нечего, по ней уже прошли отряды исследователей, и потому путешественники отправились через горы Монголии – «Виктория» смогла их преодолеть – к реке Шилке и стали спускаться по ней. Там Митяю снова удалось пополнить запасы говорящих камней.

С заездом на озеро Ханка они добрались до Сахалина, который и в те времена отличался своей мегафлорой, а потому Митяй и Ольга задержались там на целых три года, чтобы разобраться в этом природном феномене. Да, вулканический пепел, да, влажный морской климат, но всё это ещё не объясняло, почему на Сахалине обычная белокочанная капуста, которая так нравилась гигантопитекам, выростала до столь гигантских размеров, что некоторые вилки весили за двести килограммов, но деревья при этом не росли выше обычного. На острове Сахалин, в бухте Терпения, высадился большой десант ведлов-агрономов. Нефтяная княгиня отличилась в очередной раз. Постарались и корабли Алексиевска и других городов, стоящих на берегах Африки и Азии. Совместными усилиями они изготовили огромные плавучие платформы эллиптической формы, накрытые надувными пластиковыми куполами, – громадные теплицы.

В длину эти лёгкие суда имели полтора километра и километр в ширину. Имея высоту всего пять метров, они состояли из соединённых друг с другом стальных секций и уже изначально несли на себе полутораметровый слой плодородного грунта, в который оставалось только внести какие-то сахалинские ингредиенты. Всего было изготовлено пятьдесят таких платформ, накрытых стопятидесятиметровой высоты надувными куполами из сверхпрочного, идеально прозрачного пластика. Буксиры доставили их до устья реки Пороний, а дальше за работу взялся Митяй, который с помощью Деда Максима расставил все пятьдесят теплиц вдоль берега реки на специально подготовленные площадки, плодородный грунт с которых был бережно снят и заскладирован. Плавучие платформы-теплицы на случай тайфуна и наводнения установили на якоря, в реку опустили водозаборные трубы, и работа началась. Под каждым куполом, в самом центре, стоял многоэтажный дом, похожий на цветок, вокруг которого раскинулись опытные делянки. На Сахалине собрались агрономы со всей Земли, и каждый

хотел научиться выращивать именно те гигантские растения, которые были характерны для его краёв.

Митяй был согласен задержаться на Сахалине и на пять-семь лет, лишь бы получить такие сорта давно известных ему растений, плоды которых будут размерами в три-пять раз больше. Возможно, в том числе и потому, что бок о бок с ним трудились золотые великаны, эта работа увенчалась успехом всего за три года. Нет, он не успел вывести гигантский персик как устойчивую, прекрасно зарекомендовавшую себя культуру, а лишь вырастил две сотни персиковых деревьев, плоды которых имели размеры немного меньше волейбольного мяча и обладали просто невообразимым вкусом. Вдобавок ко всему он вместе с остальными ведлами благодаря княгине Ольге разобрался с тем феноменом, который заставлял растения так бурно расти. Как он и подозревал, это оказались микроскопические грибы, растущие на корнях некоторых растений. Сначала они ускоряли рост корневой системы, а затем самих растений. Элементарный симбиоз, вот только эти симбиотические грибы, которые и грибами-то назвать было трудно, имели чуть ли не размер вируса, зато какой они давали эффект, и, что самое главное, все плоды, выросшие в результате такого воздействия на растения, были совершенно безвредны для человека, что первыми определили самые лучшие эксперты – золотые гигантопитеки, у которых на это было особое, сверхтонкое чутьё.

Это открытие биологи сделали в первые же полгода, а всё остальное время занимались лишь тем, что приучали микроскопические грибы жить на корнях самых различных растений, и ими оказались даже виноград, кофе, какао и, к радости гигантопитеков, бананы, арбузы и дыни. Да, вточить всей семьёй арбуз диаметром два метра, плюс ещё и невероятно сахаристый, или полуметровой длины дыньку было куда приятнее, чем лузгать семечки. Правда, потом им всем семейством приходилось топтать в душ и становиться под струи горячей воды. Это рек и озёр гигантопитеки чурались, а к дождю любой силы относились вполне спокойно.

Митяй не стал дожидаться того дня, когда завершатся полевые испытания на континентах. Ему и так было ясно, что им удалось вывести растениеводство на новый, куда более высокий уровень продуктивности. Прямо как у Носова в «Незнайке». Зато теперь людям было гарантировано самой Матерью-Землёй, что они смогут обеспечить продукцией растениеводства и себя, и всех её детей от мала до велика без исключения. Кормовой топинамбур для крупного бивневого скота рос чуть ли не со скоростью цепной реакции в шаре урана, имеющего критическую массу, и всего за три месяца его сочные, сладкие стебли толщиной в руку с листьями полуметровой длины достигали высоты тридцать метров. Если рядом, конечно, не стояли с ножами и вилками наготове индрикотерии, мамонты, слоны, мастодонты и мелюзга вроде шерстистых носорогов и единорогов.

Из бухты Терпения «Виктория» направилась на юг, к берегам Австралии, где уже было построено два с половиной десятка городов и, что самое главное, создано два больших ледника почти в самом центре континента, на горных массивах, третий – на юго-востоке, а четвёртый – западнее. Эти ледники, вобрав в себя огромное количество воды, остужали воздух максимум на десять километров вокруг себя, превращая климат рядом с собой в субарктический, но зато они, медленно тая под лучами солнца, питали водой, растекающейся десятками рек, огромные территории, и те пышно зеленели.

В Австралии Митяя больше всего поразило невероятное скопление гигантских морских крокодилов в мелководном заливе Карпентария. Впрочем, их хватало и на Большом Барьерном рифе, равно как и в соседних морях, Арафурском и Тиморском, и, что самое главное, никакой управы на этих десяти-двенадцатиметровых тварей не было. Так что там к берегу было не подойти. Всех же сразу под контроль не возьмёшь. Посмотрел он и на гигантских сумчатых животных во всём их многообразии, но наибольшее впечатление произвели огромные вараны-мегалании длиной семь-восемь метров и горные крокодилы. Те были поменьше, длиной всего

три метра, но зато очень быстро бегали на длинных ногах. Мегафауна Австралии, где даже страусы имели высоту три с лишним метра, была невероятно разнообразна.

Да, когда-то в Австралии всё было большим, включая гигантского вомбата весом в тонну, рогатых черепах -мейоланий, длиной три метра и весом тоже в тонну, и горы, которые были километра на полтора выше, но их сдуло ветром, и континент чуть ли не полностью превратился в пустыню. Но теперь, когда горы были покрыты полукилометровой толщей льда, они обещали остаться высокими. Единственное, с чем Австралии «не повезло», так это с хищными млекопитающими. Самый крупный из них, сумчатый лев, не превышал своими размерами ягуара, но при этом отличался свирепым нравом и огромной физической силой, чем компенсировал свои небольшие размеры.

На островах Новой Зеландии птицеводы народа Говорящих Камней к мадагаскарским страусоподобным эпиорнисам и австралийским гусеподобным нелетающим гениорнисам дополнили свои курятники ещё и новозеландскими моа. Хотя новозеландские пташки были выше всех, эпиорнисы переплюнули их по массе тела, так как достигали в весе до полутонны. Все три вида этих птиц имели великолепное на вкус мясо, не говоря уже об их огромных яйцах, некоторые из которых размером были с ведро.

От берегов Новой Зеландии «Виктория» поплыла к берегам Южной Америки, в Патагонию. Там путешественники изучили многочисленный отряд гигантских ленивцев и других представителей южноамериканской мегафауны, самыми огромными из которых оказались гигантские анаконды длиной свыше сорока метров и весом пять-шесть тонн. Вот это были настоящие чудовища, одна только голова достигала в длину двух с половиной метров. К счастью, они были немногочисленны и до таких размеров вырастали лишь считанные единицы. В этом плане Южная Америка куда больше поразила Митяя своими гигантскими птицами – аргентависами и тераторнами, гигантскими грифами. Встречи с тераторнами, имевшими размах крыльев четыре метра и больше, он ждал, а вот то, что аргентависы к этому времени ещё не вымерли, его поразило. Ещё бы, они имели размах крыльев восемь метров, и их вес достигал пятидесяти килограммов. Да, это была самая большая птица за всю историю Земли, и её не красило только одно – профессия падальщика, но ведь надо же кому-то в пампасах поедать трупы павших животных, особенно таких огромных, как эремотерий, размерами и массой тела с хорошего слона. Посмотрел Митяй и на гигантских броненосцев разного вида, самых удивительных животных Южной Америки. В общем, он не пожалел, что почти два с половиной года их экспедиция исследовала этот континент.

Люди добрались не только до Австралии и Новой Зеландии, но и до Южной Америки, и поскольку Митяй туда не спешил, то нашел их уже людьми народа Говорящих Камней, а не охотниками каменного века. Кофе они сразу же стали разводить ради кофейных зёрен, а вот коку оставили в покое и не стали ею интересоваться, равно как и табаком. Зато тот топинамбур, который рос в Южной Америке, не шёл ни в какое сравнение с тем, что Митяй привёз с собой из двадцать первого века с их дачи. Он нашёл в сельве именно то, о чём когда-то читал, – многолетний ветвистый кустарниковый топинамбур. Это растение мало чем отличалось от обычного топинамбура, кроме своей высоты. Оно вырастало до восьми метров, и его клубни были немедленно отправлены в Сахалинский институт растениеводства. Как многоопытный ведл, Митяй прекрасно понимал, что представляет собой эта находка для регионов с тёплым климатом. Даже при умеренной влажности этот многолетник обеспечит кормами гигантские стада травоядных животных, а уж микроскопические симбионты заставят его расти с бешеной скоростью, только удобряя почву. Поэтому в Северную Америку они отправились с чистой совестью, и мегафауна этого континента, которой перекрыли путь на юг широким Панамским каналом, так же порадовала его.

Если в Австралии и Южной Америке экспедиция не встретила с крупными хищными млекопитающими, то в Северной Америке поизучали их вдосталь, самым крупным из кото-

рых был арктодус – гигантский короткомордый медведь. О, это был хищник, всем хищникам хищник! Сухощавый, поджарый, огромных размеров, высотой в холке до метра восьмидесяти сантиметров и трёх с половиной метров в высоту, когда вставал на задние лапы, арктодус имел массу тела до полутора тонн и мало в чём уступал азиатским гигантам. Во всяком случае, он охотился не только на лосей и верблюдов, но даже на молодых мамонтов и голодным спать не ложился, но, как и все крупные хищники из этого отряда, был немногочисленным, так как являлся охотником-одиночкой со своей охотничьей территорией.

Обитали в Северной Америке, помимо странствующего голубя, разные удивительные животные, такие как гигантский бобёр, американский леопард и ужасный волк. Всем им было суждено жить и дальше, поскольку на этот континент пришли мудрые ведлы, кровно заинтересованные в том, чтобы ни одно животное не исчезло с лица Земли. Митяя в общем-то нисколько не удивило, что, как в Австралии и Южной Америке, он встретил уже и в Северной Америке большие, по меркам новой эры, города, в каждом из которых их ждали с огромным нетерпением – ещё бы, к ним приехал на своей каравелле сам Великий Отец Говорящих Камней, ведл, преобразивший их мир.

Да, мир он успел за каких-то двадцать пять лет преобразить практически полностью уже хотя бы потому, что на планете не осталось ни одного дикого, бродячего или оседлого племени первобытных охотников и собирателей. Почти пять миллионов обитателей Земли были собраны в таких городах, в которых никто не стучался задница об задницу, да к тому же окрест каждого поселения ещё было разбросано множество хуторов-ранчо, в которых жили преимущественно животноводы, но даже если они и забирались в прерии километров за триста-четыре-реста, то в любой момент, сев в автожир, могли прилететь в свой родной город. Это было в порядке вещей, и к тому же на таких ранчо, как правило, жили и работали посменно. Всякого рода аграрные дела и егерские заботы – это, конечно, вещь важная, но люди народа Говорящих Камней были прежде всего ведлами, у каждого имелось минимум три пары говорящих камней, а потому они являлись в первую очередь пытливыми учёными-исследователями, им хотелось познать всё, что держала на своих ладонях Мать-Земля. Поэтому Митяя даже и не удивлялся, что какой-нибудь егерь, примчавшийся из прерий, бегом направлялся в свою личную обсерваторию, так как главной его страстью была астрономия. Или в какую-либо другую лабораторию, едва перекусив на ходу. Он и сам был точно таким же ведлом-учёным, только с несколько более широким кругом интересов и куда большими обязанностями отца своего народа.

На исходе одиннадцатого года кругосветного путешествия Митяя с Таней и друзьями, давно уже ставшими его семьёй, отправился в Европу. В Исландии делать пока что было нечего, на ней ещё не растаял ледник, а потому они доплыли до Англии. Как на острове Пасхи ещё не стояли гигантские статуи, а плато Наска оставалось девственно-чистым, так и в Стоун-хендже не было никаких мегалитов. Митяя так и не нашел на Земле ни гипербореев, ни атлантов, ни ариев, но они даже все, вместе взятые, и в подмётки не годились народу Говорящих Камней, численность которого уже достигла пятнадцати миллионов человек, и при этом после того, как люди обрели знания и стали ведлами с говорящими камнями, погибло всего семь человек, причём в тех ситуациях, в которых не смог бы выжить даже какой-нибудь супермен. Это были трагические несчастные случаи, связанные с природными явлениями, ход которых предугадать невозможно, извержениями гейзеров и вулканов, молниями во время сильной грозы и подобными им. Ни одна из трагедий не произошла из-за отказа техники. Конструкторы и инженеры не допускали даже малейших просчётов. Железо оно и есть железо. Во всяком случае, ни с «Викусей», по-прежнему сверкающей полированными бортами, ни с любым другим транспортным средством не случилось ещё ни одного отказа, правда, ухаживали за техникой основательно, по-ведловски.

Митяя куда больше удивляло другое. Все те старики, с которыми он когда-то встретился, мало того что больше не старели, так с появлением золотых и красных гигантопитеков ещё и

стали пусть и не быстро, но молодеть, а сил у них и без того хватало. Практически все болезни отступили от людей, и ведлы-целители остались почти без работы. Максимум, что им приходилось делать, так это залечивать царапины, порезы и ссадины. Когда их главный богатырь Илюха умудрился сломать себе ногу, то у его постели собралась вся команда, и всех интересовало только одно: как тот сумел сломать себе конечность. А тот только смущённо улыбался и разводил руками, поскольку сам никак не мог взять в толк, ведь всего-то и было дел – парень сорвался с тридцатиметрового обрыва. Все сошлись во мнении, что, по всей видимости, Илья в момент падения инстинктивно сосредоточился на том, как не расколотить свои говорящие камни, и потому так сильно брякнулся. Митяя падение друга конечно же не порадовало, но он прекрасно понимал, что любой другой человек, не ведл, точно свернул бы себе в такой ситуации шею. Да, ведлы умудрялись выбираться из самых немыслимых передраг целыми и невредимыми. Хорошо, что среди них не было любителей экстрима. Зато на планете уже проводились чемпионаты мира по главным спортивным играм – футболу, баскетболу, хоккею и волейболу, за которыми отец народа очень внимательно следил и был искренне рад, что бразильцы и в каменном веке сразу же стали самыми лучшими футболистами.

В Западной Европе, как и думал Митяй, жило очень много неандертальцев, причём отличавшихся друг от друга порой довольно сильно. Однако генетический анализ вскоре выявил, кому и с кем можно любиться, а для кого это совершенно бесперспективное занятие. И тут выяснилась одна интересная деталь: ведды считались самыми завидными женихами и невестами, так как их браки были продуктивными с кем угодно. Поэтому уже спустя каких-то десять лет на Цейлоне их осталось несколько сотен, а все остальные откочевали в Европу. На смену им пришли другие народы, и их города не опустели. Ведлам ведь не нужно объяснять, как это важно, чтобы чья-то кровь не исчезла и какая-то генетическая линия не пресеклась, и потому даже неандертальцы альпийских предгорий, наверное самые древние, и те радостно заулыбались, увидев, что у них рождаются совершенно здоровые, хотя и смуглые детишки. Митяй же был только рад, что вопрос решился без его участия. Ему было только немного жалко, что те горные тайлады, которых доставили в Дмитроград, давным-давно переехали в Ребалан. В нём Бастан, вопреки требованию начальства, собрал всех аннов, и там теперь радовались появлению на свет каждого нового телепата.

Уже довольно многие ведлы научились телепатии, и похоже, что такая форма сверхчувственного восприятия будет развиваться и дальше. Во всяком случае, Митяй на это надеялся. Он не видел в телепатии ничего страшного. Лично его, помимо вынужденного телепатического контакта на Цейлоне с озверевшими аннами, вполне устраивали вербальные формы общения, включая эпистолярную. Правда, со Стасом и с Таней он всё же куда чаще общался мысленно. Зато научился полностью закрывать свои мысли, память и сознание от несанкционированного вторжения. Нефиг лезть в мою голову! Сам он никогда не читал чужих мыслей и считал, что это можно делать только в самой крайней ситуации, когда ничего иного применить уже нельзя, а таких как раз и не случалось. Митяй только и мечтал, чтобы так и оставалось всегда. Пока что всё именно к тому и шло. У народа Говорящих Камней вполне хватало забот, чтобы не думать о таких вещах, как вражда, зависть, ненависть, стяжательство, алчность, ксенофобия, к тому же он имел самые совершенные средства коммуникации и открытый доступ к любой информации. Имея множество скоростных транспортных средств, люди много путешествовали. В основном, правда, из сугубо профессионального интереса, чтобы поработать в других научных центрах, а потому чуть ли не десятая часть народа находилась в движении, всё куда-то летела.

Своё путешествие по городам Европы Митяй завершил в Риме. В этом городе Ромул уже никогда не убьёт Рема, и хотя в нём не будет построен Колизей и многие другие прекрасные памятники древней архитектуры, а в других местах Земли египетские пирамиды и Великая Китайская стена, он несколько об этом не жалел. Ведлы уже сделали так много, что некоторые из их творений было легко рассмотреть из космоса. Накосмос всё чаще и чаще поглядывали

сразу два великих деятеля – Игнат и Стас, целиком ударившиеся в технику. Митяй имел на этот счёт своё собственное мнение и говорил:

– Нечего вам в космосе делать. На Земле работы до фига и больше, так что займитесь лучше чем-нибудь полезным, чем строительство космических кораблей. От них природе больше вреда, чем пользы.

Те с жаром доказывали, что они могут построить экологически чистый космоплан, но Митяй только свирепо вращал глазами. А поскольку оба этих типа были телепатами и имели доступ к его мыслям, то были вынуждены соглашаться: пока что человеку действительно нечего делать в космосе, а вот на Земле дел и в самом деле хватало с избытком. Стать первым человеком, преодолевшим притяжение Земли, – это и в самом деле не такая уж и большая гордость, поскольку ничего действительно ценного и нужного для народа Говорящих Камней он оттуда не привезёт.

Митяй поднялся с камня, на котором сидел на вершине холма, кажется, это был Палатин, и пошёл вниз, к большому городу, население которого насчитывало уже почти тридцать тысяч человек. Город по его просьбе был назван Римом, так же как такие города, как Париж, Лондон, Мадрид и многие другие. Римляне были замечательным народом – весёлым, дружелюбным, жизнерадостным и сердечным. Каравелла «Виктория» стояла возле пристани вот уже три недели, но завтра утром она должна была отправиться в путь. Совсем недавно Митяй провёл ревизию всех географических исследований, и выяснилось, что на Земле остался всего лишь один регион, до которого у ведлов так и не дошли руки. Или ноги. Армянское нагорье и, в частности, озеро Ван. На память Митяю тут же пришли ванская кошка и собака породы гампр, в двадцать первом веке существования совершенно реликтовые. Вместе с тем он припомнил и газетную статейку о некоем ванском чудовище, якобы плезиозавре. Увы, но в озере Лох-Несс он и в доисторические времена не нашёл никакого плезиозавра, хотя и ведловал над его водами довольно основательно и даже выудил сотни две говорящих камней, которые честно признались, что никаких чудовищ в водах этого озера отродясь не водилось. В общем, Митяй принял решение отправиться на озеро Ван, а от его берегов, спустившись по Араксу, плыть домой, пока его окончательно не забыли в Дмитрограде.

До Северной Сирии они доплыли менее чем за сутки и сразу же пошли вверх по реке Оронт, но вскоре выбрались на берег, встали на высокие колёса и покатали, петляя по лесостепи, к берегам полноводного Евфрата. На Армянском нагорье ещё лежало несколько ледников, а так как стояла середина лета, они активно таяли, поэтому там плыть пришлось по горной реке с быстрым течением целых трое суток, прежде чем они добрались до окрестностей озера Ван. Команда «Викуси» и особенно её капитан так наловчились преодолевать препятствия, что Митяю ни разу не пришлось перетаскивать каравеллу с помощью Деда Максима.

Вблизи озера ледников не было и климат оказался довольно-таки тёплым, но люди, хотя и хаживали в эти места, почему-то здесь не стали задерживаться. По всей видимости, на то были свои причины, и каковы они, Митяй выяснил, как только каравелла въехала в большое озеро. Сверившись с картой своего времени, он убедился, что солоноватое озеро Ван в древности было гораздо больше и соединялось с озером Эрчек и даже с соседним пресноводным озером Назик. Митяй спустился на понтон и принялся ведловать над водой, сразу же широко заулыбался и громко крикнул друзьям:

– Ребята, в этом озере водятся какие-то здоровенные хищные зверюги, и они имеют нехилые размеры. – Ага, это точно, Митяй, – откликнулся сверху Стас. – Одна из них полным ходом чешет прямо к нам. По-моему, ты её очень заинтересовал своим аппетитным видом. Хватит ведловать, немедленно поднимайся наверх, эта тварь уже близко!

Митяй поспешил последовать совету, и сделал это вовремя. Буквально через пару минут, как он поднялся по спущенному трапу наверх, огромная зеленовато-чёрная тень метнулась из глубин озера к поверхности, и в том месте на понтоне, где только что находился ведл, сло-

мав фальшборт, появилась громадная голова с полуметровыми зубами. Громко клацнув челюстями, но ничего не куснув, гигантский плиозавр метнулся обратно в воду, и всем стало ясно, почему люди не захотели селиться возле этого озера. Митяй, успевший не только подняться на палубу, но и надеть ведловские очки, внимательно рассмотрел здорового хищника, имевшего в длину не меньше пятнадцати метров, с головой более чем трёхметровой длины, и сказал:

– Надеюсь, что этим красавчикам понравится жить в тёплой воде. Ну что же, ребята, теперь мне ясно, кого нужно напустить на морских крокодилов в Австралии.

Ольга покрутила головой и спросила:

– И надолго их хватит?

– Думаю, что надолго, – ответил Митяй. – Между прочим, крокодилы ведь тоже не подарок. Ладно, ещё маненько поведлуем, а потом окончательно решим, кого и кем кормить.

Ведловали они три недели и наведловали следующее. Всего в озере Ван водилось немногим более шестисот плиозавров, которые сожрали в нём уже почти всю рыбу и мало-помалу начали поедать друг друга. Во всяком случае, их количество за эти три недели сократилось на три особи. Чтобы они не сожрали друг друга раньше времени, им завезли несколько сотен крупных акул и морских крокодилов, чтобы посмотреть, кто кого слопаёт. Плиозавры, некоторые из которых достигали в длину восемнадцати метров, выиграли всухую. Тогда Митяй со товарищи отловили десять самых огромных и зубастых самцов и самок и свезли их на летающих амфибиях в залив Карпентария, чтобы посмотреть, как дела будут обстоять там. Оказавшись в тёплой, чистой и куда более солёной воде, кишашей вкусными крокодилами, те моментально приступили к трапезе. Под водой они двигались чуть ли не со скоростью гепарда на суше и перекусывали пополам даже самых громадных крокодилов, после чего спокойно набивали своё брюхо и мирно плавали целую неделю, пока голод не начинал давать о себе знать. Их окраска, тёмно-зелёный верх и почти белый низ, сделалась ярче, наряднее, и плиозавры значительно повеселели, а самки – они были живородящими – стали готовиться к спариванию. Поэтому Митяй решил отправить всех плиозавров на ПМЖ к берегам Австралии, и экспедиция вернулась на Ван.

Вблизи озера биологи нашли как кошек, так и собак, за которыми, собственно, и приехали. Белые, голубоглазые и разноцветноглазые – один глаз голубой, а второй янтарный, – ванские кошки сразу понравились людям и особенно золотым гигантопитекам, а те им. Главной особенностью этих кошек, помимо длинной белой шерсти, было то, что они смело ныряли в воду и ловили на мелководье рыбу, похожую на кефаль. Правда, они были намного крупнее тех кошек, к которым привык Митяй, – самые крупные коты тянули на пуд, но зато они были ласковыми и привязчивыми к людям. Понравились людям и гампры, мощные псы серовато-рыжего окраса, предки Крафта. В общем, что кошек, что собак они переловили почти всех и, как только последняя амфибия с двумя плиозаврами на борту поднялась в небо, попрощались с озером Ван до лучших времён и поехали через удобный горный коридор к Араксу. Кругосветная экспедиция Митяя на этом фактически завершилась.

Глава 4

Аварийная посадка космической Бухи-Бухи

И всё же я отказываюсь тебя понимать, Митяй! – раздраженным, сердитым голосом воскликнул Стас. – Объясни мне, тупому, что плохого будет в том, если мы разок слетаем на Марс?

Митяй глубоко вздохнул и не менее сердито ответил:

– Хорошо. Объясню тем, кто до сих пор ездит на педальном коне. То есть самым тупым, а именно тебе, Стас. Наберись терпения и послушай меня, не перебивая. Я начну издалека. Как тебе известно, на Земле имеется три большие экосистемы: Афроевразийско-североамериканская, Южноамериканская и Австралийская. Каждая со своим уникальным комплексом. Помимо этого на нашей планете имеется ещё несколько десятков замкнутых экосистем, за которыми мы следим очень внимательно и не допускаем перехода животных из одной в другую. Отсюда возникает мой к тебе вопрос: почему мы так делаем?

Стас презрительно фыркнул и проворчал в ответ:

– Митяй, я ведь уже не мальчик, к твоему сведению, но, раз ты решил устроить мне экзамен, отвечу. Чтобы сильные не сожрали и не вытеснили слабых. Удовлетворён?

– Вполне, – усмехнувшись, согласился Митяй. – Да, именно поэтому мы поставили непреодолимый заслон на пути миграции животных по планете. Таким образом, есть почти стопроцентная гарантия, что мы не потеряем ни одного вида. Ни большого, ни маленького. Если мы когда и переселяем куда-нибудь некоторых животных, то держим всё под строгим контролем. Поэтому на Земле не случилось ещё ни одной экологической катастрофы, которая привела бы к уничтожению какого-то вида. Стас немедленно воскликнул:

– Ага, как же! Можно подумать, что ты смог проконтролировать расселение плиозавров по всему Мировому океану. Эти зубастые твари уже дважды появлялись в Персидском заливе, и их оттуда пришлось гнать чуть ли не палками.

– Ну и о чём это, по-твоему, говорит? – удивлённо вскинул брови Митяй и сам же ответил: – Только о том, что эти универсальные рептилии являются охотниками-одиночками и их ареал обитания – весь Мировой океан. Не волнуйся, у них вполне хватает в природе врагов. Взять хотя бы тех же косаток и мегалодонтов. Зато на этих гигантских акул нашлась наконец управа, а то они слишком уж распоясались. И посмотри на то, какой порядок они навели у берегов Австралии, Стас! Популяция морских крокодилов сократилась в шесть раз. В итоге в заливе Карпентария и прилегающих к нему морях полностью восстановилась прежняя морская фауна. Ладно, двинемся дальше, ведь у нас разговор о космосе и твоей космической Шишиге. Спору нет, кораблик ты сварганил просто замечательный, вот только стоять ему в этом ангаре придётся очень долго, Стас, и вот почему.

Митяй сделал небольшую паузу, и Стас воскликнул:

– Да уж, хотелось бы мне знать, чего ты так боишься! Митяй, ты просто старый, вредный перестраховщик!

– Много ты в этом понимаешь, – посмеиваясь, ответил Митяй и добавил: – Старый и вредный – это да, есть такое, но только не перестраховщик. Стас, я мудрый и предусмотрительный великий ведл, не чета вам, торопыгам. Почему я вспомнил про наши экосистемы? В первую очередь потому, чтобы напомнить тебе о том, как слабы самые малые из них, та же Австралийская, которая, может быть, и кажется тебе огромной. Это ей просто повезло, что животные из Азии не смогли туда перебраться. Вокруг нас, в космосе, творится примерно то же самое. Благодаря Глазу Земли мы уже смогли найти в ближайших к нам районах Галактики одиннадцать таких звёздных систем, обитатели которых не только вышли в космос, но и совершают межзвёздные полёты на довольно больших космических кораблях. Да, все они располо-

жены очень далеко от нас. Ближайшая находится на расстоянии двенадцать тысяч световых лет. Нам повезло, что наш ведловской Глаз Земли передаёт нам их изображение в десятки тысяч раз быстрее скорости света, и мы увидели их раньше, чем они нас, но и у них могут оказаться под рукой телескопы, подобные ведловским. Пока мы сидим на Земле и не высываем носа, нас не заметят, Стас, но как только ты полетишь сначала на Марс, что ещё куда ни шло, а затем к ближайшей звезде, то выдашь нас всех с потрохами. Наверняка кто-то из наших соседей по Галактике захочет посетить Землю, и тогда мы окажемся в очень сложной ситуации. Ты же не хуже меня знаешь, что некоторые из наших соседей ведут себя точно так же, как вели себя когда-то анны под предводительством той толстой ведьмы. Услышав эти слова, Стас нахмурился и озабоченным голосом спросил:

– Ты хочешь сказать, Митяй, что они нас завоюют и превратят в рабов? Но этого не может быть! Они же не такие дикари, как анны! Знаешь, я не могу в это поверить.

Митяй пожал плечами:

– Стас, если ты возьмёшь любой из этих одиннадцати миров, то в первую очередь увидишь, что разумных существ, лишь некоторые из которых похожи на нас, там очень много, миллиарды и десятки миллиардов особей. Мы ведлы, друг мой, а они нет. Мы живём в мире и гармонии с Матерью-Землёй, а они безжалостно насилуют и истязают свои планеты. Как мы поступаем с животными? Мы создаём им все условия для того, чтобы они могли жить в природе, но при этом сильные не отобрали бы весь корм у слабых, а хищные не сожрали бы всех травоядных. Это на большинстве территории Земли. Вблизи своих городов мы пошли дальше: крупные травоядные, для которых высажены специальные кормовые культуры, выращивают на своём теле большие куски мяса, которые время от времени сбрасывают, и ими питается большинство хищников, то есть также представляют собой огромные кормушки. Более мелкая фауна рядом с ними живёт по несколько иным законам. Среди этих животных охота идёт только на больных, слабых и самых старых, и хищники выступают в роли санитаров природы. В ареале нашего обитания даже гигантские куры и те помимо того, что откладывают для нас яйца, ещё и выращивают вкусные мясные горбы. При этом самую большую заботу мы проявляем в отношении растительного мира. Не даём разрастаться сверх меры лесам, регулярно чистим их и подсаживаем кормовой подлесок. В общем, буквально по всей планете, хотя нас пока что мало и рабочих рук не хватает, мы планомерно ведём работу и заботимся о том, чтобы у каждого животного имелась своя собственная уютная экологическая ниша, и если мы видим, что не можем создать её для какого-то зверька в Австралии, где он волею судьбы превратился в изгоя, то подыскиваем ему место в Южной Америке, и таких случаев были уже многие сотни. Какую бы сложную задачу ни ставила перед нами Мать-Земля, Стас, мы её обязательно решаем. Всё правильно, друг мой, ведь мы же ведлы народа Говорящих Камней.

Стас покрутил головой, на его висках уже слегка серебрилась седина (сто восемьдесят два года – это возраст), и спросил:

– Митяй, а почему ты думаешь, что они не ведлы? Я сотни раз просиживал ночами, наблюдая за их звёздными системами через Глаз Земли, и знаю, что они довольно бережно относятся к природе. Все их планеты, в отличие от тех, которые населены существами, ещё не вышедшими в космос, покрывает густая зелень, они строят колонии под куполами на других планетах и добывают сырьё либо там, либо на астероидах... – Стас ненадолго замолчал, задумался, словно вспоминая что-то, потом кивнул и согласился: – Да, они точно не ведлы. Об этом говорят их огромные города и особенно широкие и длинные дороги, которыми они опутали свои планеты. Нормальные ведлы этого никогда бы не сделали. Я поторопился с выводами относительно них, Митяй. Они вышли в космос за счёт силы своего ума, а не благодаря ведловству. Ты боишься, что они нападут на нас и поработят?

– Нет, – отрицательно помотал головой Митяй, – как раз этого я не боюсь. Во-первых, хотя нас и мало, мы им не по зубам, а во-вторых, я не думаю, что они такие уж ужасные

хищники. Стас, я боюсь совсем другого – их тысячелетней культуры, всех тех благ, которые они создали, а также того, что народ Говорящих Камней ещё не повзрослел настолько, чтобы понять простую истину: наш образ жизни, с его патриархальностью, большими дружными семьями, слиянием с природой и её полным пониманием, намного предпочтительнее всех тех чудес, которые они обязательно потащат к нам, чтобы поразить наше воображение их так называемыми достижениями. А ещё я боюсь, что в их обществе имеется социальное неравенство и у них, как в Стас волков, установлена жёсткая иерархия, чего нет у нас. Это я называю социокультурной агрессией и боюсь, что мы не сможем ей противостоять. Они живут по большей части для того, чтобы получать от жизни удовольствия, Стас. Наши цели другие – мы живём, чтобы служить Матери-Земле и быть её преданными детьми, которые не променяют все те блага, которые она нам даёт, ни на какие технические штучки и прочие искусственные удовольствия, на все эти суррогаты счастья. А ещё нас слишком мало, Стас, чтобы мы могли дать им достойный отпор. Вот когда пройдёт лет триста и вам будут открыты те тайные знания, о которых я все эти годы молчал, и вы поймёте, что благодаря мне изначально пошли совсем иным путём, и сделаете свой окончательный выбор уже без меня, тогда твоя космическая Шишига с космонавтами-исследователями на борту полетит куда угодно.

– Триста лет? – переспросил Стас, громко рассмеялся и воскликнул весёлым голосом: – Нет, Митяй! Я столько не проживу! Эти несносные сопляки загонят меня в Мать-Землю намного раньше. Хотя знаешь, я с тобой согласен. Митяй, я очень много думал о твоих тайных знаниях и представляю, что это такое. Наверное, ты пришёл к нам из такого мира, где люди живут даже не по законам волчьей стаи, а по законам крысиного сообщества, которое в десятки раз изощрённее и жёстче. Что же, для меня это ещё одно доказательство твоего величия, мудрости и бесконечной доброты, учитель.

Митяй громко фыркнул, едва сдерживая смех, и проворчал:

– Угу-угу, ты только забыл при этом упасть передо мной на колени, Стас. Ладно, всё это мелочи жизни, старина. Космическая Шишига у тебя получилась просто блеск, жаль только, что мне никогда не доведётся сесть в пилотское кресло и сделать на ней хотя бы парочку витков вокруг Матери-Земли и малёхо поведловать в открытом космосе. А вдруг и там летают говорящие камни? – Митяй замолчал, опустил голову, горестно вздохнул и спустя какое-то время добавил: – Стас, ты просто не представляешь себе, как низко может пасть человек, охваченный животными страстями. Даже крысы рядом с ним ангелы. Впрочем, на крыс ведь есть в природе управа. Её нет только на человека. Поэтому, старина, я больше всего уповаю на ведловство и на Мать-Землю, которая души не чает в народе Говорящих Камней.

Митяй поднялся с кресла и подошёл поближе к сверкающему полированной бронёй космическому кораблю. Это был космоплан, выполненный по схеме самолёт– крыло с двумя треугольными киями на концах крыльев с размахом семьдесят пять метров. Длина космической Шишиги, стоящей на двух рядах широких колёс с покрышками из умного полиуретана, была шестьдесят метров, а высота пятнадцать. Он был очень лёгок и имел сухой вес всего девятьсот пятьдесят тонн, но при этом обладал огромной прочностью, будучи изготовленным из углеродных и бериллиевых фуллеренов. Атмосферные двигатели позволяли космической Шишиге развивать скорость до семидесяти пяти тысяч километров в час всего за сорок пять секунд, а в открытом космосе она могла и вовсе лететь вслед за лучом энтропии, пробивавшим для неё в космическом вакууме тоннель, со скоростью в полторы тысячи раз выше скорости света. Правда, такой полёт сопровождался ярким световым излучением, чего так боялся Митяй. Увы, но ведловская сила имела свои недостатки, и выражались они в том, что при очень мощном ведловании во все стороны от Земли неслись кванты мгновенного переноса энергии. Да, ведлы черпали силу не из одной только Матери-Земли, но и из всех её космических братьев и сестёр – звёзд и планет.

Когда Митяй однажды понял это, то схватился за голову, не зная, то ли ему радоваться, то ли приходить в ужас. В конце концов он просто решил отнестись ко всему спокойно, без паники и лишних восторгов. Вот тогда-то он и понял, что ведловство лежит в основе законов мироздания и имеет невероятно древние корни. Понял и сообразил, что один ведл может «увидеть» другого во время ведлования, и метнулся на Южный полюс – поднялся на высоту две сотни километров и посмотрел оттуда ведловским взглядом на планету. Ему открылась величественная картина – над Землёй разгоралась ведловская аура. Увы, но больше нигде в ближайших районах Галактики он такой не увидел. Похоже, Земля была заповедником ведлов. Вообще-то его точка зрения вызвала множество споров в научной среде, то есть во всём народе Говорящих Камней. Подавляющее большинство ведлов считало, что ведловская аура физически не может покинуть атмосферу лишь потому, что она нужна Матери-Земле, иначе зачем тогда вообще нужны ведлы? Митяй, поднявшийся тогда над Южным полюсом на высоту шестьдесят километров, в чём-то был с ними согласен. Да, действительно, ведловская аура не поднималась выше пятнадцати километров. Однако он всё же представлял себе всё несколько иначе и был убеждён, что, кроме них, по соседству больше нет ни одной ведловской цивилизации.

Так и не прикоснувшись рукой к космической Шишиге, он вернулся к низкому столику, возле которого с унылой физиономией сидел её отец, улыбнулся и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.